

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ КУРСЪ ИСТОРИИ

ГЛАВНЫХЪ НАРОДОВЪ ДРЕВНЯГО МІРА

И ИХЪ ЦИВИЛИЗАЦІЙ.

А. Рославскаго-Петровскаго.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

—
1870.

Напечатано по опредѣленію совѣта Императорскаго Харьковскаго Университета.

Ректоръ *В. Кошетовъ.*

Образовательное значеніе всеобщей исторіи. Трудности, которыя представляет изученіе этой науки и которыя относятся частію къ ея содержанію, а частію къ формѣ. Обзоръ историческихъ школъ или главныхъ направлений въ исторіи: а) повѣствовательной, б) прагматической, в) критической, г) философской, е) новѣйшей живописно-повѣствовательной, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на философію исторіи и ея представителей въ лицѣ Вико, Гердера, Гегеля и Бокля. Условія, при которыхъ задача исторіи можетъ быть выполнена наиболѣе удовлетворительнымъ образомъ. Программа курса древней исторіи, приспособленная къ этимъ условіямъ.

Въ нашъ вѣкъ никто не сомнѣвается въ великомъ образовательномъ значеніи всеобщей исторіи. Всѣ согласны въ томъ, что близкое знакомство съ этою наукою развиваетъ въ людяхъ чувство гуманности, едва-ли не самое святое изъ всѣхъ чело-вѣческихъ чувствованій, и умудряетъ ихъ многовѣковою опытностію. Но подобный результатъ, со стороны тѣхъ, кто желаетъ достигнуть его, требуетъ не мало труда и времени. Въ самомъ дѣлѣ, трудно назвать другую науку, гдѣ бы путь къ истинѣ былъ такъ неровенъ и представлялъ столько препятствій, какъ въ исторіи. Препятствія эти относятся частію къ ея содержанію, а частію къ формѣ. Предметъ исторіи — явленія духовной жизни рода чело-вѣческаго. Но каждое явленіе можетъ быть

слѣдствіемъ не одной только, а нѣсколькихъ причинъ. Отсюда неизбѣжность гипотезъ, — общій удѣлъ всѣхъ знаній опытныхъ. Такъ, физика, медицина болѣе или менѣе исполнены предположеній. Впрочемъ, въ наукахъ естественныхъ этотъ недостатокъ не такъ еще ощутителенъ: потому что явленія, которыя подлежатъ ихъ сферѣ, управляясь законами необходимости и завися отъ причинъ весьма немногосложныхъ, время отъ времени воспроизводятся почти одинаковымъ образомъ¹. Слѣдовательно, наблюдатель не лишенъ возможности повѣрить прежнія свои открытія и замѣнить ихъ другими, болѣе достовѣрными. Несравненно разнообразнѣе и измѣнчивѣе — явленія міра духовнаго, составляющія предметъ исторіи; умъ и страсти производятъ безпрестанно новыя событія, по-крайней-мѣрѣ по *формѣ*, а потому, хотя сравненія столь необходимы для обобщенія фактовъ и здѣсь не невозможны, но представляютъ гораздо болѣе трудностей, чѣмъ въ естественныхъ наукахъ, не говоря уже о томъ, что натуралисту приходится гораздо рѣже прибѣгать къ чужому опыту, нежели историку, который въ большей части случаевъ имѣетъ дѣло не съ занимающими его событіями, а съ свидѣтельствами о нихъ, и такимъ образомъ находится въ положеніи судьи, разбирающаго процессъ, котораго самъ онъ не былъ очевидцемъ.

Участіе человѣческой свободы также много дѣйствуетъ на несовершенство обработки исторіи. Согласно съ правилами истинной философіи, при оцѣнкѣ нравственнаго достоинства поступковъ, должно брать въ расчетъ побужденіе, съ которымъ они сдѣланы, и сообразно тому признавать добрымъ только дѣйствіе, предпринятое съ добрымъ намѣреніемъ, и наоборотъ — почитать зломъ все то, что дѣ-

¹ Говоримъ «почти» потому, что совершеннаго тождества не существуетъ въ мірѣ дѣйствительномъ, и изъ милліоновъ снѣжинокъ, по справедливому замѣчанію Лацаруса (*Ueber die Ideen in der Geschichte*, стр. 30), не найдется и двухъ совершенно одинаковыхъ.

дается нами вопреки лучшему вѣрованію. Но тайныя помышленія сердца извѣстны одному Богу; никакой смертный не въ состояніи проникнуть въ глубину ихъ. Какъ человѣкъ, историкъ можетъ ошибаться. И въ самомъ дѣлѣ, сколько яркихъ противоположностей, несогласимыхъ мнѣній относительно одного и того-же лица! Александръ Македонскій ¹, Юлій Цезарь, Густавъ Адольфъ, Наполеонъ I-й, подъ перомъ различныхъ писателей, являются совершенно другими людьми. Здѣсь вы видите героевъ, достойныхъ благословеній человѣчества, а тамъ опасныхъ эгоистовъ, жертвовавшихъ всѣмъ своему ненасытному честолюбію. Конечно, любовь къ истинѣ и глубокое знаніе человѣческаго сердца могутъ освободить историка отъ многихъ важныхъ погрѣшностей, но они не въ силахъ устранить ихъ совершенно. И какъ часто, принимая на себя священное званіе защитника добродѣтели, онъ берется оправдывать недостойнаго злодѣя, или же, смущаемый ложными опасеніями, налагаетъ клеймо позора на память несчастнаго страдальца, безвинно оклеветаннаго современниками, и запрещаетъ потомству пролить слезу участія надъ его могилой! Такова сила сочувствій и антипатій, а между тѣмъ еще вопросъ: выграла ли бы обработка нашей науки въ томъ случаѣ, если-бы всѣ историки были строго-безпристрастными судьями, такъ-сказать, термометрами нравственнаго міра, на которыхъ бы самымъ точнымъ образомъ обозна-

¹ Ср. противоположные отзывы объ Александрѣ Дройзена и Грога, о Юліѣ Цезарѣ — Наполеона III и его рецензента въ журн. *Deutsche Vierteljahrs-Schrift*, 1865, № 111, стр. 159 и 160, (Докт. Фабера), о Густавѣ Адольфѣ — Миллера и Гѣрера: по словамъ перваго (*der Fürstenband*, Ch. XIII), «Густавъ Адольфъ долженъ занять мѣсто въ ряду величайшихъ людей; слава его ни чѣмъ не омрачена, дѣло, за которое онъ стоялъ, ставитъ его выше Александра и Цезаря», между тѣмъ какъ второй (*Geschichte Gustav Adolfs*, p. 684) называетъ шведскаго героя разбойникомъ.

чалась степень достоинства каждаго изъ лицъ, подлежащихъ изъ суду? Въ состояніи ли былъ бы проникать до глубины нашего сердца ихъ голосъ, хотя честный и правдивый, но не волнующий страстными мотивами любви и гнѣва, и сохранила бы тогда исторія то значеніе, которое обезпечиваетъ за нею первое мѣсто въ ряду образовательныхъ наукъ? Не думаемъ. Вотъ почему едва-ли было бы справедливо относиться слишкомъ строго къ увлеченіямъ историковъ, если только они коренятся въ искренности убѣжденій, но, съ другой стороны, увлеченія эти много вредятъ познанію объективной истины.

Къ вышепоименованнымъ недостаткамъ, вытекающимъ изъ самой сущности исторіи, надобно присоединить еще недостатки другаго рода, такъ-же чрезвычайно важные. Разсматриваемая въ своемъ идеалѣ, какъ живая и полная картина человѣческихъ дѣйствій, исторія представляетъ одну великую драму, состоящую изъ безчисленнаго множества актовъ; по-настоящему, въ кругъ ея должны входить всѣ проявленія духа человѣческаго. Но такой объемъ исторіи не осуществимъ. Сдѣлавшись достояніемъ людей, она утратила всю полноту и всѣ совершенства своего идеала. Никакая сила ума не въ состояніи объять этого безпредѣльнаго океана событій, съ каждымъ днемъ рождающихся и исчезающихъ, а между тѣмъ всякое событіе, по-видимому ничтожное, имѣетъ свой смыслъ, составляетъ извѣстную букву въ великой книгѣ вселенной. Но, можетъ быть, скажутъ, что неполнота исторіи еще не составляетъ большой потери, по-крайней-мѣрѣ не препятствуетъ ея вѣрности, и что дѣписатель, подобно искусному портретисту, который въ небольшомъ размѣрѣ сохраняетъ всѣ черты лица, на основаніи благоразумнаго эклектизма, можетъ представить вѣрное изображеніе минувшей жизни человѣчества, не прибѣгая къ подробностямъ. Не говоря уже о трудности отличить неважное отъ важнаго, положимъ такъ, — но и ограничивъ объемъ ис-

торіи одними главѣйшими событиями, мы все-таки найдемъ значительные пропуски, не досчитаемся цѣлыхъ столѣтій въ жизни народовъ. Сколько эпохъ и государствъ отыграли свои роли, не оставивъ по себѣ памятниковъ¹, и сколько такихъ, о существованіи которыхъ дошли до потомства извѣстія не полныя, отрывочныя и притомъ не всегда для него вразумительныя². Вообще, забота о своей исторіи у каждаго народа является гораздо позже вступленія его на сцену дѣйствія. Часто проходить вѣка, прежде нежели наблюдатель соберетъ почтенные остатки древности, сбросить съ нихъ мифическій покровъ и открыть несомнѣнные признаки истины. Но этотъ наблюдатель — человѣкъ другаго вѣка; окруженный настоящимъ, напитанный современными идеями, онъ съ трудомъ можетъ перенестись въ

¹ Уже во времена Страбона нельзя было найти ни одного памятника латвійской письменности (Strab. Lib. XIII, p. 539, éd. Didot.).

² Монументальные памятники Египта и его папирусы долго оставались бесполезными для исторіи, пока геній Шампольона Младшаго не открылъ ключа къ объясненію гіероглифовъ. О древнѣйшемъ халдейскомъ царствѣ мы не знали почти ничего до археологическихъ раскопокъ, произведенныхъ въ недавнее время въ нижней Месопотаміи и представленныхъ новѣйшими учеными опытовъ чтенія вавилово-ассирійскихъ клинообразныхъ надписей, а многочисленныя этрускія надписи до сихъ поръ ожидаютъ толкователей. Вся древнѣйшая исторія Греція носитъ характеръ мифическій, но для того, чтобы понимать мифологию, прежде всего надобно знать ея языкъ, т. е. фигуры и метафоры, въ которыя люди, стоящіе на извѣстной степени образованности, облачаютъ свои идеи. Вотъ образчикъ этого языка. Арбалцы, сохранивъ воспоминаніе объ опустошеніи ихъ страны моремъ и бесплодіи почвы, которая вполнѣдствіи сдѣлалась плодородною, благодаря рѣчнымъ наносамъ, такъ рассказывали объ этомъ: Церера, оскорбленная Нептуномъ, долго оставалась раздраженною; гнѣвъ ея прошелъ, когда она искупалась въ рѣкѣ Ладонѣ.

манувшее и представить картину міра, столь отличнаго отъ того, въ которомъ онъ живетъ и дѣйствуетъ: люди не могутъ имѣть понятія о предметахъ отдаленныхъ, замѣтилъ одинъ великій мыслитель¹. По мнѣнію другаго, всякая несовременная исторія подозрительна². Но оставимъ вѣка отдаленные, возьмемъ годину, по-видимому, самую благопріятную для наблюдателя: я разумѣю — современность. Историкъ современный, конечно, имѣетъ на своей сторонѣ важныя преимущества; подъ рукою у него находится болѣе средствъ: онъ можетъ знать — что, какъ и отъ чего происходило; за-то сколько новыхъ препятствій! Предразсудки времени, мѣста, воспитанія — безпрерывно толпятся вокругъ него и образуютъ призму, за которою скрывается настоящій видъ предметовъ. Если опасеніе, будто нельзя писать современной исторіи, слишкомъ отзывается скептицизмомъ³, то, съ другой стороны, и великое правило писать *sine ira et studio*, требуемое Тацитомъ отъ историка, едва-ли можетъ быть выполнено современникомъ: положеніе его тѣмъ опаснѣе, что изображаемый имъ предметъ касается ближе его сердца.

Недостатки, доселѣ изложенные мною, касаются однихъ историческихъ матеріаловъ. Теперь, когда все собрано, историкъ предстоитъ трудъ соединить между собою эти разрозненныя части и создать изъ нихъ одно стройное, для ума обѣтное цѣлое. Но, получивъ поврежденные матеріалы, останется ли онъ

¹ L'esprit humain ne pouvant se faire aucune idée des choses lointaines et inconnues, il les juge sur les choses connues et presentes. C'est là la source inépuisable des erreurs, où sont tombés tous les savans, toutes les nations, au sujet des commencemens de l'humanité. *Vico* (Фр. перев. Мишле).

² Pascal.

³ См. *Histoire des progrès de la civilisation en Europe*, par *Roux-Ferrand*. Tome I, pag. 323.

самъ безпогрѣшительнымъ, не надѣлаетъ ли съ своей стороны какихъ-нибудь новыхъ ошибокъ? Подобно другимъ наукамъ, исторія, сверхъ содержанія, имѣетъ еще и форму. Событія могутъ связываться между собою посредствомъ тысячи различныхъ способовъ. Отсюда неодинаковость въ планѣ и обработкѣ исторіи, такое множество частныхъ направленій ея, которыя болѣе или менѣе отпечатлѣваютъ на себѣ духъ своего времени. Каждой эпохѣ въ жизни человѣчества свойственъ особенный взглядъ на исторію, каждая эпоха приступала къ изученію исторіи съ особенными задачами и вопросами; и такъ-какъ въ этихъ случаяхъ мѣриломъ истины служитъ внутреннее убѣжденіе, то каждая эпоха удовлетворялась различными отвѣтами. Возьмемъ, напримѣръ, такой фактъ какъ разрушеніе римской имперіи: сколько онъ вызвалъ различныхъ объясненій и толкованій! «Можно было бы, говоритъ Герье, составить цѣлую литературу этихъ объясненій, носящихъ на себѣ печать той эпохи, въ которую они возникли. Въ то время, когда исторія находилась подъ опекой богословія, разрушеніе римской имперіи объясняли прямо волею Провидѣнія, которое низвергло ее за пороки и преступления римлянъ. Въ XVII вѣкѣ, когда борьба съ остатками феодальнаго порядка вызвала особенную скептическую школу, катастрофа имперіи и паденіе древней цивилизаціи ставились исключительно въ вину христіанамъ, которые, увлекаясь своими религіозными интересами, совершенно пренебрегали интересами своего земнаго отечества. Въ прошломъ столѣтіи, когда обнаружившееся стремленіе къ политической свободѣ заставляло обращать болѣе серьезное вниманіе на государственныя учрежденія и законы, причину паденія Рима стали отыскивать въ недостаткахъ политическихъ учрежденій имперіи. А въ наше время, которое гордится своими успѣхами въ естественныхъ наукахъ, нѣкоторые ученые приписываютъ разрушеніе римской имперіи и паденіе классической цивилизаціи исключительно неблагогра-

зумынымъ способамъ сельскаго хозяйства и истощенію полей. Подобно тому, какъ каждое архитектурное произведеніе носить на себѣ отпечатокъ той эпохи, которая создала его, и наприм. гармоническая колоннада греческаго храма, или стройные своды готическаго собора, или, наконецъ, игривый фасадъ дворца въ стилѣ возрожденія, вызываютъ въ насъ различныя чувства и свидѣлствуютъ намъ о различныхъ потребностяхъ чело-вѣчества въ различные періоды его существованія, такъ и каждое историческое сочиненіе зависитъ отъ той почвы, которая породила его»¹.

Вотъ почему для тѣхъ, которые желаютъ заниматься исторіею, особенно важно ознакомиться съ ея судьбами.

Какъ слово «исторія» — греческое, такъ и понятіе, соединяемое съ этимъ словомъ, составляетъ неотъемлемую собственность грековъ. Еллины открыли и создали исторію, возвели ее на степень искусства и передали намъ свои труды въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя въ художественномъ смыслѣ до сихъ поръ остаются образцовыми². До насъ не дошли сочиненія Кадма и Гекатея милетскаго, а посему мы должны начать рядъ бытописателей съ Геродота, обыкновенно почитаемаго отцомъ исторіи. Геродотъ писалъ въ самый счастливый періодъ политической и умственной жизни Греціи, когда, послѣ великихъ побѣдъ, которыми спасена образованность и свобода Европы, слава еллинскаго имени наполнила всѣ страны свѣта, и національный духъ, полный благороднаго сознанія собственныхъ силъ, явилъ прекраснѣйшіе образцы въ разныхъ родахъ общественной и художественной дѣятельности. Какое счастливое время! Едва-ли можно отыскать въ лѣтописяхъ міра другую эпоху, которая бы столь бо-

¹ Очеркъ развитія исторической науки.

² Ср. «Объ историческомъ развитіи понятія исторіи» проф. Кутормы въ Журналѣ Минист. Народн. Просв. за 1868 г. Февраль, стр. 284 и слѣд.

гата была доблестями, произвела вдругъ такое множество великихъ людей. Для того, кто хотѣлъ писать исторію этого вѣка, достаточно было представить факты, изобразить вѣрную картину былаго, гдѣ бы, какъ въ зеркалѣ, славное поколѣніе могло видѣть свои подвиги и, такъ-сказать, любоваться своимъ величіемъ. Правоученія и философскіе выводы здѣсь едва-ли были бы уместны. По-крайней-мѣрѣ въ нихъ не ощущалось настоящей надобности. Вотъ почему твореніе Геродота есть по преимуществу повѣствовательное, хотя авторъ, глубоко проникнутый чувствомъ гармоніи, старался уже устранить слѣпой случай, и владычество надъ міромъ ввѣрилъ всемогущей Судьбѣ, которая то споспѣшествуетъ, то препятствуетъ усиліямъ людей, смотря потому, дѣйствуютъ ли они съ добрымъ или съ дурнымъ намѣреніемъ. Но наступила другая эпоха. Поколѣніе перемѣнилось. Муза исторіи изъ рукъ Геродота перешла въ руки Фукидида. Фукидидъ, современникъ пелопоннесской войны и свидѣтель тѣхъ несчастныхъ событій, которыя, мало-по-малу истощивъ Грецію, приготовили ее въ добычу македонянамъ, естественно, долженъ былъ имѣть другую цѣль, нежели его предшественникъ. Правда, добродѣтели еллиновъ не совсѣмъ еще истребились: патриотизмъ и мужество нѣкоторыхъ, по-временамъ, напоминали еще великіе подвиги ихъ дѣдовъ; но что значили эти отблески благоразумія и геройства въ сравненіи съ всеобщимъ упадкомъ нравственности, съ необузданностію страстей, съ ужасными пороками, которые съ каждымъ днемъ увеличивались все болѣе и болѣе и до-того исказили общественную нравственность, что даже самыя слова, по свидѣтельству современнаго историка, потеряли прежнее значеніе и получили превратный смыслъ. «Неистовство, говоритъ Фукидидъ, стали называть ревностною дружбой, безразсудная горячность почиталась величайшею храбростію, въ злости видѣли доказательство откровенности и вѣрности. Плутствомъ

опредѣлялся разумъ, особенно, — если плутовство было удачно, здравымъ смысломъ считали недовѣріе»¹. Живя посреди такого общества, Фукидидъ не могъ ограничиться простымъ разсказомъ фактовъ; нѣтъ, онъ долженъ былъ стараться пособить злу и показать соотечественникамъ своимъ гибельныя слѣдствія необузданности страстей. А для этого ему надлежало съ престола всемірнаго владычества свергнуть Судьбу, и на мѣсто ея утвердить господство человѣческой свободы, сдѣлать людей, такъ-сказать, полными хозяевами своихъ дѣйствій. Вотъ почему Фукидидъ является опытнымъ государственнымъ мужемъ тамъ, гдѣ Геродотъ просто повѣствуетъ; вотъ почему онъ преимущественно имѣетъ въ виду пользу, между тѣмъ какъ предшественникъ его заботится единственно объ эстетическомъ наслажденіи читателя и сводитъ все къ одному источнику, а именно человѣческой личности, тогда-какъ у Геродота царить вездѣ Судьба. Этимъ объясняется участь творенія Фукидида: оно не могло, какъ впоследствии случилось на самомъ дѣлѣ, ожидать благосклоннаго пріема отъ тѣхъ, которые все достоинство исторіи поставляютъ въ занимательности происшествій, а должно было поправиться только умамъ, несчастіями своего времени расположеннымъ внимать урокамъ опытности. Такимъ образомъ, историческій прагматизмъ былъ слѣдствіемъ потребности вѣка. Но въ то время, когда гражданскія смуты и потрясенія общества дали исторіи политико-практическое направленіе, нѣкоторые благородные умы, опечаленные зрѣлищемъ настоящаго, исполнялись справедливаго негодованія къ порокамъ и втайнѣ изыскивали средства пріостановить распространяющееся зло. Исторія и здѣсь не осталась безъ дѣла: на-равнѣ съ философіей, она спѣшила подать руку помощи упадающей нравственности. Однимъ изъ первыхъ представителей нравственнаго направленія былъ Ксе-

нофонтъ; въ такомъ духѣ написаны имъ Киропедія, Афинская и Лакедемонская республики. Въ послѣдствіи, оно нашло ревностнаго поборника въ Плутархѣ, который, подобно Ксенофону, принадлежалъ къ вѣку упадка и котораго жизнеописанія славныхъ мужей Греціи и Рима имѣютъ характеръ панегириковъ, написанныхъ въ назиданіе современному обществу. По всей вѣроятности, и Тацитъ съ этою-же цѣлью идеализировалъ нравы и бытъ германцевъ. Вся древнѣйшая исторія Рима въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ писателей, преисполнена морали. Въ ней есть цѣлыя отдѣленія, нарочно составленныя какъ для прославленія вѣчнаго города и тѣхъ, кто его основалъ и возвеличилъ, такъ и для того, чтобы внушить молодому поколѣнію патріотическія чувства и показать, что Римъ достигъ всемірнаго владычества единственно строгимъ соблюденіемъ права и закона¹.

¹ Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Въ преданіи о нашествіи галловъ, сохранившемся у Тита Ливія (кн. V, гл. 43 — 49), говорится, что римляне, послѣ аллійской битвы, бѣжавшіе въ Вейи и соединившіеся тамъ подъ начальствомъ Цедиція, хотѣли избрать его въ диктаторы, но онъ объявилъ, что по званію своему не можетъ занять столь высокаго поста. Послѣ этого взоры всѣхъ обратились на Камилла, который, не смотря на единогласный выборъ, не рѣшился принять должности безъ соблюденія обычныхъ формъ, т. е. сенатскаго декрета. Но сенатъ былъ въ Капитоліи, осажденномъ галлами, — и вотъ одинъ юноша, по имени Понцій Коминій, рѣшается на смѣлый подвигъ — пробраться въ осажденный городъ и принести оттуда въ Вейи опредѣленіе сената. Онъ переплываетъ Тибръ, съ самой крутой стороны взбирается на скалу и благополучно тѣмъ-же путемъ возвращается. И такъ, съ разрѣшенія сената народъ избираетъ диктатора, и выборъ падаетъ на Камилла, который является въ Римъ въ ту самую минуту, когда защитники Капитолія, доведенные до крайности голодомъ, вели съ галлами переговоры о количествѣ выкупа и когда по случаю спора, возникшаго при взвѣ-

Нравственное направленіе, согласуясь вполне и съ языческою философіею и съ христіанскими понятіями, имѣло многихъ послѣдователей между учеными древняго и новаго міра. Историки разсматривали происшествія единственно со стороны ихъ назидательности и радовались, если могли найдти какой-нибудь поучительный фактъ, не разбирая строго его подлинности. Это, естественно, должно было вызвать на поле дѣятельности умы строгіе и породить историческій скептицизмъ. Еще прежде Плутарха, Діонисій Галикарнаскій, соскучивъ нелѣпными баснями о началѣ римской исторіи, рѣшился подвергнуть критическому изслѣдованію древнія сказанія и посвятилъ этому тяжкому труду большую часть своей жизни. Хотя намѣреніе его и не увѣнчалось успѣхомъ, и хотя самъ Діонисій, по примѣру критикуемыхъ имъ писателей, нерѣдко вноситъ въ свое изложеніе баснословные рассказы¹, однакожъ критическое направленіе исторіи,

шиванія условленной суммы, гордый галльскій вождь Бреннъ, въ отвѣтъ на жалобы римлянъ, бросаетъ на вѣсы свой тяжелый мечъ съ словами: «горе побѣжденнымъ». Для доблестнаго патріота была невыносима мысль, что отечество его должно купить свободу не оружіемъ, а золотомъ, и вотъ онъ останавливаетъ постыдный торгъ, опрокидываетъ вѣсы и не только прогоняетъ непріятеля, но и наноситъ ему совершенное пораженіе. Между тѣмъ изъ Полибія мы знаемъ, что галловъ къ снятію осады побудило неожиданное вторженіе въ ихъ землю венетовъ (II кн., 18 гл.) и что они, какъ побѣдители, предписали римлянамъ условія мира (1, 6). Да и самъ Титъ Ливій, какъ-бы позабывъ о рассказанныхъ имъ подвигахъ своихъ соотечественниковъ, въ другомъ мѣстѣ (кн. X, гл. 16) сообщаетъ намъ извѣстіе, что галлы хвастались тѣмъ, что Римъ былъ въ ихъ рукахъ и откупился только цѣною золота.

¹ Таковъ, наприм., рассказъ о поселеніи въ Лаціумѣ Энея съ троянскою колоніей. Въ этомъ рассказѣ встрѣчаемъ и источники, внезапно заструпившіеся изъ земли для утоленія жажды прибывшихъ троянцевъ, и бѣлую свинью, указывавшую имъ дорогу къ

послѣ долгаго промежутка, ожило на новой европейской почвѣ и достигло высшаго своего развитія въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Особенно важны заслуги, оказанныя въ этомъ отношеніи Нибуромъ. «Можно сказать, по справедливому замѣчанію Грановскаго, что до Нибура критика была дѣломъ личнаго таланта, какъ у древнихъ. Превосходство новыхъ заключалось въ большей начитанности и въ пріобрѣтенномъ навыкѣ обращаться съ огромнымъ матеріаломъ. Точныхъ и всѣмъ общихъ пріемовъ не было. Ихъ создалъ Нибуръ, работая надъ римскою исторіей. Замѣтимъ однако, что его постигла участь, нерѣдко бывающая удѣломъ великихъ людей на пути открытій и изобрѣтеній. Колумбъ унесъ съ собою въ могилу убѣжденіе, что онъ нашелъ путь къ восточному берегу Азіи. Мнѣніе Нибура о древнѣйшихъ памятникахъ римской исторіи извѣстно: онъ полагалъ, что эти памятники, содержащіе въ себѣ самыя положительныя и достовѣрныя свѣдѣнія, подвергались измѣненіямъ и порчѣ подъ перомъ позднѣйшихъ римскихъ писателей. Задача критики состояла, слѣдовательно, въ разложеніи риторическихъ разсказовъ Ливія на ихъ простѣйшія составныя части и въ возстановленіи первобытныхъ источниковъ. Такая цѣль, очевидно, не могла быть достигнута, но, преслѣдуя ее, Нибуръ нашелъ настоящіе законы исторической критики. Онъ показалъ намъ, какъ должно разбирать источники и въ какой степени они заслуживаютъ довѣрія. Вліяніе его примѣра не замедлило обнаружиться. Чрезъ тринадцать лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія «Рим-

тому мѣсту, гдѣ они должны были основать новый городъ, я вѣтви дерева въ сосѣднемъ лѣсу, загорѣвшіяся сами собою въ то время, когда производилась закладка города, и пресловутаго орла, раздувавшаго огонь движеніемъ своихъ крыльевъ, не смотря на то, что лисица старалась затушить костеръ, обмокнувъ въ ручѣ конецъ своего хвоста. Таковы, прибавляетъ съ важностію историкъ, были явныя знаменія, возвѣщавшія блестящую сѣдбу римскаго народа.

ской исторіи», явилась «Критика новыхъ историческихъ писателей» Ранке, небольшое, но образцовое сочиненіе, въ которомъ съ блестящимъ успѣхомъ приложены къ дѣлу уроки великаго учителя. Въ настоящее время Ранке, маститый уже старецъ, есть главный представитель исторической критики въ Германіи. Его многочисленные ученики¹ образовали школу, которой дѣятельность, устремленная преимущественно на разработку средневѣковыхъ памятниковъ, уже принесла богатые плоды»².

Историко-критическое направленіе, будучи порождено безкорыстною любовью къ истинѣ, уже по одному этому заслуживаетъ уваженія; но, къ сожалѣнію, и здѣсь не обошлось безъ крайностей. Въмѣсто благоразумной осмотрительности и законнаго сомнѣнія въ подлинности фактовъ, поражающихъ очевидною несообразностію, умы мрачные вездѣ начали видѣть одни миѳы и на каждомъ шагу пугать свое воображеніе призракомъ басенъ. Такимъ образомъ самая любовь къ истинѣ не могла спасти человѣка отъ заблужденій и сдѣлалась въ свою очередь новымъ источникомъ погрѣшностей.

Всѣ доселѣ изложенныя мною формы исторіи возрасли на почвѣ древняго міра и усвоены учеными христіанской Европы. Ихъ достаточно было для человѣчества древняго, еще слишкомъ бѣднаго опытами, юнаго, занятаго вѣчною борьбою съ обстоятельствами, но они не въ состояніи были удовлетворить умственнымъ потребностямъ народовъ новыхъ, которые послѣ того столько видѣли и испытали, коихъ непрерывныя бури и перевороты низвергали попеременно въ положенія столь различныя, предъ которыми распадалась въ-прахъ государственъ,

¹ Объ ученикахъ Ранке см. въ сочиненіи проф. М. П. Петрова, «Новѣйшая національная исторіографія въ Германіи, Англіи и Франціи». Харьк. 1861 г. стр. 80—86.

² Сочиненія Грановскаго, томъ I, стр. 11.

расколы, мнѣнія ¹. Тяжелый видъ безконечныхъ развалинъ, однихъ началъ безъ конца, стремленій безъ цѣли долженъ былъ возмутить умы благородныя и заставить ихъ искать общей связи, соединяющей въ одно всѣ вѣка и поколѣнія. Эта-то высокая мысль внушила Гердеру его «*Ideen zur Philosophie der Geschichte*», изданныя въ первый разъ въ Ригѣ въ 1784 году, и еще прежде вдохновила италіанскаго ученаго Вико (J. V. Vico), который не безъ основанія считается творцомъ философіи исторіи и котораго сочиненіе — «Основанія новой науки объ общихъ свойствахъ народовъ», извѣстное болѣе подъ сокращеннымъ названіемъ «*Scienza Nuova*», вышло въ 1725 году. Глубоко проникнутый чувствомъ истины, Вико, при помощи обширной учености и рѣдкой проницательности, успѣлъ развеять мракъ, покрывавшій происхожденіе обществъ, хотя къ концу своего глубокомысленнаго творенія, какъ-бы пораженный колоссальностію принятаго имъ труда, онъ видимо ослабѣлъ, и вмѣсто того, чтобы преслѣдовать дальнѣйшій ходъ успѣховъ ума, со времени паденія классической образованности, принялъ роковыя циклы или повороты, какъ крайнюю грань, которую сама судьба противопоставила усиліямъ человѣка. Извѣстно, что, по теоріи Вико, каждый народъ, въ теченіи историческаго своего поприща, переживаетъ три періода или возраста, которые онъ называетъ—вѣкомъ божественнымъ, героическимъ и человѣческимъ или вѣкомъ цивилизаціи, послѣ чего начинается разложеніе общества и за-тѣмъ наступаетъ его смерть, сначала нравственная, а потомъ политическая. Въ настоящее время человѣчество во второй разъ совершаетъ этотъ путь. Средніе вѣка были новымъ героическимъ его вѣкомъ, и со времени возрожденія наукъ въ Европѣ оно вторично вступило въ періодъ гуманизма и сво-

¹ La philosophie de l'histoire fut ignorée des anciens et devait l'être, car ils n'avaient point assez vu pour être importunés de la fatigante mobilité du spectacle. Cousin, «Fragmens philosophiques».

боды. Такимъ образомъ идея вѣчнаго прогресса въ исторіи человечества, составляющая одинъ изъ привлекательнѣйшихъ результатовъ ея изученія, была чужда основателю «новой науки». Другой недостатокъ Вико заключается въ томъ, что онъ основалъ общіе выводы и законы исторіи исключительно на философіи и филологіи, упустивъ изъ виду природу физическую, которая, однакожь, во многихъ отношеніяхъ представляетъ любопытныя точки для сравненія съ міромъ нравственнымъ. Недостатокъ этотъ суждено было восполнить Гердеру, который былъ не только отличный филологъ и богословъ, но и стоялъ въ-уровнѣ съ современною ему естественною наукой, а потому пользовался для своихъ идей матеріаломъ, доставляемымъ изученіемъ какъ духовнаго, такъ и физическаго міра. Это изученіе привело его къ убѣжденію, что въ природѣ вездѣ есть развитіе и движеніе впередъ, что каждый организмъ служитъ необходимою ступенью для развитія другаго, болѣе совершеннаго, и что подобная преемственность существуетъ и въ исторіи, гдѣ хотя народы и сходятъ со сцены, но дѣятельность ихъ не пропадаетъ даромъ для человечества, которое поэтому связано духовно съ минувшими поколѣніями и составляетъ съ ними одно цѣлое. Но въ чемъ именно заключается прогрессъ въ исторіи, Гердеръ не даетъ на этотъ вопросъ опредѣлительнаго отвѣта и, по-видимому, не признаетъ безконечности прогресса, поставляя цѣлью всего человечества, какъ и отдѣльнаго человѣка, состояніе полного развитія его и достиженіе счастья на извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстной степени, соотвѣтственно положенію, занимаемому имъ въ общей цѣли мірозда-нія. Должно замѣтить, что во времена Гердера существовали самыя превратныя понятія объ идеалѣ исторіи, который, по мнѣнію такъ называемыхъ хеліастовъ, состоялъ въ осуществленіи на землѣ царства Божія, а потому гуманная натура его не позволяла ему смотрѣть на дѣятельность минувшихъ поколѣній, какъ на подготовительную неблагодарную работу для созданія блаженства бу-

дущаго человѣчества, какъ будто достоинство историческихъ эпохъ, такъ-же какъ и дѣятелей, опредѣляется завидностію ихъ ролей, а не вѣрнымъ служеніемъ своему дѣлу, и какъ будто люди на всѣхъ степеняхъ своего развитія не могутъ наслаждаться счастьемъ, если, какъ и слѣдуетъ, полагать счастье во внутреннемъ довольствѣ, доставляемомъ намъ сознаніемъ честнаго выполненія своего долга и возможностью удовлетворенія своимъ духовнымъ и физическимъ потребностямъ. Въдѣ и въ жизни отдѣльнаго чело-вѣка, утѣренной опытомъ старости предшествуетъ юность, а между тѣмъ этотъ послѣдній возрастъ самъ по себѣ имѣетъ значеніе и цѣну.

Послѣ «Идей» Гердера въ теченіе полувѣка не вышло почти ничего замѣчательнаго по части философіи исторіи, хотя обработка самой философіи въ Германіи въ теченіи этого времени сильно подвинулась впередъ и внесла въ нашу науку нѣсколько плодотворныхъ идей: такова напримѣръ идея антагонизма человѣческихъ страстей, высказанная Кантомъ. Между тѣмъ исторія культуры, образчикъ которой представилъ еще Вольтеръ въ своемъ «Опытѣ о нравахъ» (*Essais sur les mœurs*, 1758), или такъ-называемая внутренняя жизнь народовъ начала болѣе и болѣе обращать на себя вниманіе историковъ, до-толѣ занимавшихся почти исключительно дворами и правительствами. Это обстоятельство не могло не повліять самымъ выгоднымъ образомъ на будущую обработку философіи исторіи: ибо идея законности и правильности, присущая развитію человѣчества, нигдѣ не высказывается съ такою ясно-стію, какъ въ его цивилизаціи. Между историческими трудами по этой части слѣдуетъ отвести почетное мѣсто сочиненіямъ Тюрго¹ и Бондорсе², представляющимъ картину постепенныхъ успѣховъ человѣческаго разума въ области открытій и усовер-

¹ *Discours sur le progrès de l'esprit humain.*

² *Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit hu- main*, 1795.

шенствованій, а въ наше время бельгіецъ Моранъ (Laurent) предпринялъ обширный трудъ¹ съ цѣлью доказать, что прогрессъ существуетъ и въ международныхъ сношеніяхъ и что высшая цѣль человѣчества есть мирная ассоціація, — осуществленіе золотого вѣка, который, по словамъ бельгійскаго ученаго, не позади, а впереди насъ, и съ наступленіемъ котораго водворится на землѣ царство истины, добродѣтели и свободы.

Только въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія философія исторіи нашла въ Германіи представителя въ лицѣ Гегеля, котораго лекціи о философіи исторіи (*Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*) изданы уже по смерти его — въ первый разъ въ 1837 году Гансомъ, а потомъ сыномъ философа, Карломъ (1848). Гегель выступаетъ изъ положенія, что абсолютный духъ, или міровой разумъ, управляетъ событіями исторіи, а какъ отличительное коренное качество духа есть свобода, сознаніе, то поэтому задача историка заключается въ изслѣдованіи успѣха въ сознаніи свободы. Съ этою цѣлью онъ разсматриваетъ всю совокупность минувшаго развитія человѣчества, какъ оно выразилось въ главныхъ формахъ проявленія человѣческаго духа, государствѣ, религіи, искусствѣ, наукѣ, согласно свидѣтельству преданія, очищеннаго критикой, и различаетъ четыре момента въ постепенномъ прогрессѣ идеи свободы. Эти моменты суть: міры восточный, греческій, римскій и германскій. Только въ послѣднемъ изъ нихъ свобода сдѣлалась общимъ достояніемъ человѣка — какъ человѣка, и великій законъ равенства людей если не вездѣ осуществленъ на практикѣ, то по крайней мѣрѣ признанъ въ принципѣ. Хотя, такимъ образомъ, философія исторіи Гегеля, по спра-

¹ Съ 1851 года, по настоящее время вышло 15 томовъ сочиненія Морана: первые три подъ заглавіемъ «*Histoire du droit des gens et des relations internationales*», а остальные — «*Études sur l'histoire de l'humanité*».

ведливому замѣчанію Гайма, собственно не имѣть будущности, нашедши свой идеаль въ германской имперіи, и хотя онъ совершенно произвольно исключилъ изъ исторіи славянскій міръ подъ тѣмъ предлогомъ, что міръ этотъ доселѣ не представлялъ собою ни одного самостоятельнаго момента въ ряду развитія міроваго разума (какъ-будто предтеча Лютера Гусъ и основатель геліоцентрической системы Коперникъ не были славянами!), все же нельзя не согласиться, что въ основаніи его теоріи лежитъ высокая идея и проведена имъ чрезъ всю исторію съ замѣчательною послѣдовательностію, не смотря на нѣкоторую неполноту матеріала и односторонность сужденій въ отдѣльных случаяхъ. Всѣ эти недостатки съ избыткомъ вознаграждаются возвышенностію взгляда и обезпечиваются за лекціями Гегеля одно изъ первыхъ мѣстъ въ философско-исторической литературѣ.

Система Гегеля, основанная на подчиненіи историческаго матеріала апріорической идеѣ, хотя и съ должнымъ уваженіемъ къ факту и преданію, не могла удовлетворить людей, ищущихъ вездѣ математической точности и такъ-сказать геометрической наглядности, и вотъ весьма недавно англичанинъ Бокль¹ сдѣлалъ попытку сообщить исторіи положительный характеръ, усвоивъ ей методъ естественныхъ наукъ. Попытка эта, не смотря на сильный талантъ и обширную эрудицію автора, никакъ не можетъ быть названа удовлетворительною: во 1-хъ, Бокль упустилъ изъ виду, что каждая наука, если только она дѣйствительно заслуживаетъ это названіе, должна имѣть свой собственный методъ², а потому однихъ приемовъ, употребляемыхъ естествен-

¹ History of civilisation in England by H. T. Bockle. 2 vol. 1858—1861. Къ области философіи исторія собственно принадлежитъ «Введеніе», занимающее 1 и 2-й выпуски соч. Бокля въ русскомъ переводѣ Буйницкаго и Пенарокова.

² Cp. Grundriss der Historik von Joh. Gust. Droysen, 1868, p. 46—48.

ными науками, занимающимися предметами болѣе простыми и менѣе совершенными, чѣмъ исторія, далеко недостаточно для послѣдней, которая хотя въ отдѣльных случаяхъ и съ успѣхомъ можетъ пользоваться ими, но не исключительно и не обязательно, употребляя въ дѣло для доказательства своихъ истинъ, смотря по требованію обстоятельствъ, и умозрительные и практическіе приемы, а иногда тѣ и другіе вмѣстѣ; во 2-хъ, постав-
ляя сущность исторіи въ цивилизаціи или, лучше сказать, въ умственномъ прогрессѣ человѣчества и вліяніи его на практическую жизнь народовъ, Бокль исключилъ изъ цивилизаціи искусство, имѣющее столь важное образовательное значеніе, и не обратилъ должнаго вниманія на самыхъ дѣятелей, сподвижниковъ цивилизаціи, т. е. людей, способствовавшихъ своими трудами ея успѣхамъ. Вездѣ у него управляютъ почти полновластно ходомъ событій такъ-называемыя общія причины и предъ могуществомъ ихъ совершенно ступшевывается индивидуальный элементъ въ исторіи¹, который, однакоже, составляетъ ея душу и безъ котораго легко смѣшать ее съ другими однородными науками, напр. статистикой. Въ 3-хъ, допуская вѣчность прогресса въ умственной жизни человѣчества, Бокль не признаетъ его въ нравственности народовъ, которая, по мнѣнію его, не потерпѣла никакого почти измѣненія въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, составляющихъ достояніе исторіи. Этимъ онъ погрѣшаетъ: во 1-хъ, противъ своей собственной системы, вступивъ на почву метафизиковъ, которымъ онъ объявилъ войну, а во 2-хъ грѣшитъ и противъ истины, раздѣливъ одинъ духъ на два духа; между тѣмъ какъ и въ морали,

¹ По меткому выраженію Лиринга, общія причины у Бокля составляютъ законодательную власть исторіи, а лица и правительства суть не болѣе какъ исполнители этой власти (см. *Die Geschichtschreibung der Civilisation von Dr. Dühring* въ журн. *Deutsche Vierteljahrs-Schrift* за 1866 г. № 115, стр. 58).

и въ познаніи, по справедливому замѣчанію г. Стасюлевича¹, предъ нами стоитъ одинъ и тотъ-же духъ, «одинъ и тотъ-же духъ дѣла-етъ добро и познаетъ истину, а потому чѣмъ умъ чловѣка свѣтлѣе, всестороннѣе, тѣмъ его воля могущественнѣе и свѣтлѣе», слѣдовательно, если есть прогрессъ въ умственной жизни чловѣчества, то не можетъ небыть его и въ нравственной. Впрочемъ, истина эта не нова. Ее сознавали уже великіе мыслители древняго Востока. «Мы должны, говоритъ основатель буддизма Готама, любить все существа, потому что составляемъ съ ними одно; кто питаетъ ненависть къ себѣ подобнымъ, ненавидитъ самого себя; ненависть не можетъ быть оправдана дурными наклонностями людей: если они дѣлаютъ зло, то по не-вѣдѣнію, а потому должно имѣть состраданіе къ нимъ и просвѣтить ихъ».

Поставленная на среду науки геніями Вико, Гердера и Гегеля, философія исторіи получила право гражданства въ литературѣ образованныхъ народовъ, и въ наше время между учеными, вѣроятно, немного найдется такихъ, которые стали бы отвергать существованіе законовъ, управляющихъ судьбами чловѣческихъ обществъ. Если скептики, по старой привычкѣ объяснять все заимствованіями извнѣ, и не убѣдились бы поразительными чертами сходства въ языкѣ, обычаяхъ, религіи и вообще цивилизаціи народовъ, удаленныхъ другъ отъ друга по времени и мѣсту жителства, то самые упорные изъ нихъ должны уступить очевидности факта въ виду открытій, сдѣланныхъ статистикой, изъ которыхъ оказывается, что дѣйствія, зависящія, по-видимому, исключительно отъ чловѣческаго произвола, какъ напр. преступленія и браки, повторяются съ такою-же, если не съ большею правильностію, какъ и явленія природы физической, повинующейся законамъ необходимости.

¹ Опытъ истор. обзора главныхъ системъ философіи исторіи, стр. 252.

Къ сожалѣнію, умъ человѣческій способенъ къ увлеченію. Въмѣсто того, чтобъ въ указаніяхъ статистики найти подтвержденіе общаго закона, что «пока существуютъ однѣ и тѣ-же причины, надобно ожидать повторенія одинаковыхъ послѣдствій», и укрѣпить духъ вѣрой въ существованіе Высшей Силы, бодрствующей надъ сохраненіемъ міроваго порядка, нѣкоторые изъ новѣйшихъ мыслителей пришли къ заключенію объ историческомъ и соціальномъ фатализмѣ, предъ которымъ оказывается безсильною свободная воля человѣка; а отсюда уже одинъ шагъ къ тому, чтобы отрицать лежащую на насъ нравственную отвѣтственность за наши добрыя и дурныя дѣла. Не знаю, какъ вамъ, а мнѣ всегда казались парадоксомъ слѣдующія слова Кетле: «Общество приготовляетъ преступленіе, а виновный есть не болѣе, какъ орудіе совершенія этого преступленія»¹, и еще страннѣе, что слова эти, извиняемые отчасти въ бельгійскомъ ученомъ свойственнымъ человѣку пристрастіемъ къ собственно-му своему открытію, могли заслужить одобреніе другаго самостоятельнаго мыслителя, извѣстнаго намъ Бокля, автора «Исторіи цивилизаціи въ Англіи»².

Къ счастью, ученіе о фатализмѣ нисколько не оправдывается фактами, которые приводятъ въ его подтвержденіи. Въ самомъ дѣлѣ, что узнаемъ мы изъ уголовной статистики? То, что преступленія въ государствѣ, относительно ихъ числа и родовъ, а также распредѣленія по поламъ и возрастамъ виновныхъ, представляютъ столь замѣчательную правильность, что нельзя не признать тѣсной связи между явленіями этого рода и совокупностію всего общественнаго строя³. Но отсюда не

¹ «Sur l'homme». Voll. II, p. 325.

² Бокль, «Исторія цивилизаціи въ Англіи», пер. Буйницкаго и Ненаракова. Томъ I, Выпускъ 1-й, стр. 33.

³ Allgemeine Bevölkerungstatistik, von Dr. J. G. Wappäus, 2 Theil, p. 443 et sq.

слѣдуетъ еще, чтобы каждый человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ былъ подчиненъ неизбѣжному предопредѣленію. Вѣроятность къ совершенію преступленія, то, что Кетле не совсѣмъ удачно называетъ *penchant au crime*, не есть фактъ безусловной необходимости, а только выраженіе отношенія моральной силы человѣка къ помысламъ, встрѣчаемымъ имъ на пути жизни и заключающимся частію въ немъ самомъ, а частію въ условіяхъ окружающей его среды. — Такъ, напр., бѣдность есть одна изъ причинъ, заставляющихъ человѣка посягать на жизнь и собственность ближняго, а между тѣмъ не всякій бѣднякъ рѣшится занести руку въ чужой карманъ. Человѣкъ, въ сферѣ своей индивидуальной дѣятельности, можетъ противодѣйствовать искушенію всею силою своею ума и характера. Но опытъ показываетъ, что между тѣмъ какъ одинъ остается побѣдителемъ, другой — падаетъ въ борьбѣ съ обстоятельствами, а потому одни и тѣ-же дѣйствія повторяются періодически съ удивительнымъ постоянствомъ, до-тѣхъ-поръ пока не измѣнятся отношенія моральной силы человѣка къ окружающимъ его соблазнамъ. Въ виду этихъ фактовъ, мы конечно должны отказаться отъ вѣры во всемогущество свободной воли человѣка; но они равно не благопріятствуютъ и ученію о фатализмѣ, такъ-какъ оба фактора, которыми обуславливается вѣроятность къ совершенію преступленія, находятся въ зависимости отъ воли человѣка, а именно, они могутъ быть измѣнены къ лучшему: во-первыхъ, посредствомъ благоразумныхъ законодательныхъ реформъ, когда отменяются постановленія, препятствующія экономическому и умственному прогрессу общества, а съ другой стороны — улучшенія должны происходить отъ недѣлимыхъ, для чего необходимо, чтобы уровень нравственнаго образованія ихъ поднялся до такой высоты, чтобы они могли энергически бороться съ препятствіями, встрѣчаемыми ими въ жизни. Такимъ образомъ есть два средства улучшить обще-

ственную нравственность: разумно задуманные реформы и основанное на началах здоровой педагогії воспитаніе отдѣльных лицъ.

Злоупотребленіе прагматическимъ и философскимъ методами въ исторіи вызвало противниковъ, которые впали въ другую крайность¹. Защищая факты противъ самоуправнаго обращенія съ ними, они называютъ всякую попытку ввести въ хаосъ событій единство связующихъ и объясняющихъ ихъ идей искаженіемъ непосредственной исторической истины. Дѣло историка должно, по мнѣнію ихъ, заключаться въ вѣрной передачѣ того, что было, т. е. въ разсказѣ, и ему строго запрещается высказывать свои сужденія и взгляды. Нужно ли доказывать односторонность такихъ понятій объ исторіи, способствовавшихъ появленію новѣйшей живописно-повѣствовательной школы. Временный блестящій успѣхъ этой школы объясняется частію настроеніемъ общества, пресыщеннаго теоріями, а частію впечатлѣніемъ, произведеннымъ на умы современниковъ произведеніями одного геніальнаго писателя, историка по призванію, хотя и не принадлежавшаго къ числу цеховыхъ ученыхъ. Я разумѣю Вальтеръ-Скотта². Занимаясь съ энтузіазмомъ изученіемъ народностей и соединяя творческій талантъ съ обширными фактическими знаніями, извлеченными имъ изъ-подъ пыли архивовъ и библіотекъ, Вальтеръ-Скоттъ въ неподражаемыхъ своихъ романахъ изобразилъ картину человѣческой жизни, картину яркую, живую, невозмущаемую ни докучливымъ педантизмомъ, ни ложными умствованіями. Исторія не замедлила узнать свое родное, хотя и подъ чуждою ей формою и, оставивъ въ сторонѣ высшія задачи, принялась за воспроизведеніе характеровъ и

¹ См. сочиненія Грановскаго, 1-й томъ, стр. 24—25.

² Подробную оцѣнку значенія Вальтеръ-Скотта въ исторической литературѣ можно найдти въ рѣчи покойнаго профессора харьков. М. М. Лунина. 1836. Харьковъ.

событій. «Исторія бургундскихъ герцоговъ» Баранта едва-ли не была первымъ замѣчательнымъ сочиненіемъ, написаннымъ согласно требованіямъ новѣйшей повѣствовательной школы, но еще рельефнѣе высказался въ этомъ родѣ талантъ Августина Тьерри. Читая его мастерскіе очерки средневѣковой жизни, вы видите предъ собою сцену дѣйствія; лица, давно уже умершія, по волшебному мановенію историка, кажется, встали изъ своихъ гробовъ и являются предъ вами каждый съ своимъ индивидуальнымъ характеромъ, съ обычаями и повѣрьями, свойственными его времени, и производятъ на васъ чарующее дѣйствіе. Рельефность и драматическая живость разсказа составляютъ, конечно, одно изъ весьма желательныхъ качествъ въ историкѣ, но ими далеко не исчерпывается задача науки, имѣющей понять и передать въ сжатомъ изложеніи внутреннюю истину волнующихся въ безконечномъ разнообразіи явленій, не говоря уже о томъ, что приемы повѣствовательной школы рѣшительно непримѣнимы къ большимъ отдѣламъ исторіи не только всеобщей, но и отдѣльныхъ народовъ, представляющихъ значительные проблемы, вслѣдствіе неполноты сохранившихся о нихъ извѣстій.

Такимъ образомъ ни одно изъ разсмотрѣнныхъ нами направленій, взятое порознь, не удовлетворяетъ вполне требованіямъ исторіи, какъ науки, и исторіку, для того, чтобы онъ могъ достойнымъ образомъ выполнить свою задачу, необходимо быть вмѣстѣ и критикомъ и художникомъ, на-сколько художественность возможна, какъ въ изображеніи характеровъ, такъ еще болѣе въ группировкѣ историческаго матеріала, и наконецъ глубокомысленнымъ философомъ-наблюдателемъ, умѣющимъ открывать общее въ частномъ, посредствомъ сравненія разныхъ эпохъ, съ цѣлью найти общіе законы, управляющіе ходомъ историческаго движенія человѣчества.

Согласно такому взгляду на науку, мы, при изложеніи нашего курса, будемъ держаться слѣдующаго плана. Прежде все-

го постараемся точнѣе опредѣлить идею всеобщей исторіи, т. е. законъ, управляющій судьбами человѣчества, а потомъ прослѣдимъ за осуществленіемъ этой идеи у народовъ древняго міра, для чего, подвергнувъ предварительно критической оцѣнкѣ источники исторіи каждаго изъ нихъ, представимъ главные факты изъ ихъ государственной или политической жизни и характеристику ея представителей, а въ заключеніе взглянемъ на тѣ пріобрѣтенія, которыя внесли они въ сокровищницу общечеловѣческаго образованія результатами своей дѣятельности въ области религіи, искусства, науки, государственнаго и частнаго быта, дабы такимъ образомъ можно было видѣть — на-сколько тотъ или другой народъ участвовалъ въ духовной работѣ древняго міра, который, въ свою очередь, составляетъ извѣстное звено въ общемъ развитіи человѣчества.

Я не смѣю ласкать себя надеждой на вполне удовлетворительное выполненіе предложенной мною программы и почти себя счастливымъ, если кто-нибудь изъ присутствующихъ въ этой аудиторіи, со-временемъ, пополнитъ и усовершенствуетъ вынесенное имъ изъ нашихъ бесѣдъ; но я убѣжденъ въ вѣрности самаго метода и могу высказать теперь это убѣжденіе съ нѣкоторою увѣренностію, имѣя на своей сторонѣ отзывъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, по порученію котораго былъ рассмотрѣнъ первый выпускъ издаваемого мною «Руководства къ исторіи главныхъ народовъ древняго Востока и ихъ цивилизацій» и признанъ сочиненіемъ, могущимъ служить прочнымъ основаніемъ къ познанію древняго міра.

Г Л А В А П.

Одинъ изъ главнѣйшихъ законовъ, открываемый изученіемъ исторіи, есть законъ *прогресса*, который представляетъ двѣ стороны: *духовную*, какъ *успѣхъ* въ *сознаніи свободы*, и *матеріальную*, состоящую въ *лучшемъ*, т. е. основанномъ на началахъ справедливости распредѣленіи между членами общества земныхъ благъ и наслажденій. Подтвержденіе закона прогресса, вытекающаго изъ самой природы *человѣческаго духа*, фактами исторіи посредствомъ сравненія древней и новой цивилизацій. Участіе въ прогрессѣ индивидуумовъ. Нравственная ответственность историческихъ дѣятелей. Значеніе великихъ людей. Судъ исторіи: для того, чтобы судъ этотъ былъ *правдивымъ* необходимо отдѣлять личность дѣятеля отъ самаго дѣла.

Предметомъ настоящей нашей бесѣды будетъ точнѣйшее опредѣленіе закона, управляющаго ходомъ историческихъ событій. Законами называются необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей, предметъ исторіи — міръ духовный, а сущность духа состоитъ въ томъ, что онъ свободенъ. Каждому извѣстно, что свобода составляетъ одно изъ качествъ нашего духа, но философія учитъ насъ, что всѣ качества духа имѣютъ корень свой въ свободѣ, что всѣ они относятся къ ней, только какъ средство къ цѣли. Матерія, повинувшись закону тяготѣнія, стремится къ центру, ищетъ единства внѣ себя. Напротивъ, духъ самъ себѣ центръ. Это пребываніе духа въ самомъ себѣ и состав-

ляетъ его свободу. Я зависимъ, если существованіе мое связано съ другимъ вѣшнимъ предметомъ, если я не могу обойтись безъ него, я свободенъ, довлея самъ себѣ¹. Какъ ни простыми и даже тривиальными могутъ казаться теперь всѣ эти вещи, исторія показываетъ, что снѣ не всегда были такими и что человѣчество должно было много пережить и испытать, прежде чѣмъ дошло до сознанія своей свободы. Востокъ не имѣлъ о немъ никакого понятія. Оттого у восточныхъ народовъ во всѣ времена господствовалъ грубый произволъ, съ его неизбѣжнымъ спутникомъ — деспотизмомъ, оттого тамъ не было и вѣтъ истинной свободы. У грековъ впервые появилось сознаніе свободы, а потому они были свободны, но у нихъ, такъ-же какъ и у римлянъ, свободой пользовались лишь немногія привилегированныя лица, сословіе такъ-называемыхъ гражданъ, а не человѣкъ, какъ человѣкъ. Величайшіе изъ греческихъ мыслителей Платонъ и Аристотель не могли стать выше предрасудковъ своего времени; оттого у грековъ не только существовало рабство, но и прославляемая многими ихъ политическая свобода сопровождалась попраніемъ самыхъ священныхъ правъ человѣческой природы: и въ Греціи и въ Римѣ человѣкъ, какъ извѣстно, исчезалъ въ гражданинѣ. Христіанство впервые принесло въ міръ сознаніе, что человѣкъ, какъ человѣкъ — свободенъ, что свобода духа составляетъ существенную принадлежность нашей природы; но, говоря о появленіи какого-нибудь новаго начала въ исторіи, мы не должны, мм.гг., упускать изъ виду различія между идеею этого начала и его примѣненіемъ въ жизни. Такъ, напр., съ принятіемъ христіанства на-

¹ Die Materie hat ihre Substanz ausser ihr; der Geist ist das bei-sich-selbst-Seyn. Diess eben ist die Freiheit, denn wenn ich abhängig bin, so beziehe ich mich auf ein Anderes, das ich nicht bin, ich kann nicht seyn ohne ein Aeusseres; frei bin ich, wenn ich bei mir selbst bin. Hegels Werke, 9-er Band, «Einleitung», S. 21.

роды не вдругъ отмѣнили рабство и прежнія правительства уступили мѣсто новымъ, основаннымъ на началахъ справедливости: все это составляетъ дальнѣйшую задачу цивилизаціи, на которую потрачено уже много благороднѣйшихъ силъ и которая и теперь еще далека отъ своего разрѣшенія. Всемирная исторія, говоритъ Гегель, есть успѣхъ въ сознаніи свободы¹ и, прибавимъ мы съ своей стороны, осуществленіе этого сознанія въ практической жизни народовъ.

Едва-ли нужно объяснять, что свобода не заключается въ возможности или правѣ дѣлать все, что ни вздумается. Такая свобода, поставляющая насъ въ зависимость отъ собственныхъ нашихъ страстей, т. е. элемента столь-же случайнаго, какъ и внѣшнія обстоятельства, есть скорѣе рабство, нежели свобода. Человѣкъ — не только свободное, но и разумное существо. Разумъ приближаетъ его къ тому идеалу добра, красоты, истины, который мы называемъ Богомъ. А потому мы тогда только остаемся вѣрными своему призванію и вполнѣ свободными, когда слѣдуемъ указаніямъ разума, т. е. избираемъ за норму нашихъ дѣйствій то, что онъ признаетъ справедливымъ и истиннымъ. И такъ, свобода наша не только не исключаетъ, но и предполагаетъ существованіе чего-то высшаго, чѣмъ мы. Оттого тамъ, гдѣ человѣкъ не признаетъ ничего выше себя, онъ находится на самой низкой степени развитія, напр. у большей части африканскихъ племенъ, придерживающихся такъ-называемаго фетишизма. Вѣроятно вы знаете, что у послѣдователей этой религіи, если только можно назвать ее религіей, хотя и есть свои кумиры, свои божки, въ которые они возводятъ первый, попавшійся имъ на глаза, предметъ и покровительству которыхъ поручаются ими разные отрасли хозяйства, но они обходятся съ своими покровителями почти такъ, какъ своевольный ребенокъ обходится съ куклой:

¹ Die Weltgeschichte ist der Fortschritt im Bewusstseyn der Freiheit.

если часть вѣреннаѣ фетишу идетъ хорошо, то его окружаютъ пощеніями, ласками, росписываютъ лице его красками, а въ ротъ кладутъ сладости, но чуть только произошло какое-нибудь разстройство въ хозяйствѣ, какъ несчастный божокъ свергается съ пьедестала своего величія, его сбѣгутъ или изгоняютъ съ безчестіемъ изъ числа домашнихъ пенатовъ. вмѣстѣ съ неуваженіемъ къ божеству мы встрѣчаемъ у вышепоименованныхъ племенъ полнѣйшее презрѣніе къ личности человѣка. Бѣтъ человѣческое мясо считается у нихъ дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Если умираетъ начальникъ племени, то поминки по немъ сопровождаются умерщвленіемъ и сожраніемъ цѣлыхъ сотенъ людей, и всѣ жены умершаго, а не забудьте, что нормальное число ихъ у владѣтеля Дагомеи 3,333, сами себя лишаютъ жизни, видя въ этомъ необходимость, которой онѣ покоряются безъ малѣйшаго ропота, какъ будто такъ и должно быть. Многоженство, существующее у негровъ, имѣетъ цѣлью произведеніе какъ можно большаго числа дѣтей, чтобы послѣ, когда они вырастутъ, продать ихъ въ неволю, и очень часто приходится слышать весьма наивныя жалобы, напр. одного негра въ Лондонѣ¹, который горько жаловался, что онъ — самый несчастнѣйшій человѣкъ, успѣвъ распродать всѣхъ своихъ родственниковъ и не имѣя болѣе никакихъ ресурсовъ. Всѣ эти и имъ подобныя черты самаго возмутительнаго деспотизма нисколько не должны удивлять насъ: ибо человѣкъ тогда только начинаетъ цѣнить свою жизнь и уважать себя, когда онъ доходитъ до познанія вышаго существа и когда имъ руководить въ жизни достойная цѣль, т. е. какой-нибудь идеалъ; но особенность африканскаго духа, какъ уже выше сказано, состоитъ въ томъ, что онъ не признаетъ ничего выше себя и рѣшительно неспособенъ возвыситься до общихъ представленій, какковы, напр., понятія о Богѣ и законѣ.

¹ Hegel, Einleitung, p. 94.

Хотя назначеніе чловѣка совершенно духовное и нравственное, тѣмъ не менѣе онъ раздѣляетъ общую участь животныхъ, подчиняясь необходимости питаться, т. е. потреблять, выражаясь языкомъ экономистовъ. «Вотъ, говоритъ Прудонъ, нашъ первый законъ въ сферѣ экономической, грозный законъ, какъ фурія, преслѣдующій насъ, если мы не съумѣемъ съ умомъ выполнить его, или если мы дѣлаемся его рабами, жертвуя ему всѣми нашими прочими обязанностями. Потребностью кормиться мы ближе всего подходимъ къ скоту. Однакожъ Творецъ, предписавшій намъ этотъ образъ жизни, имѣлъ свои цѣли. Необходимость поддержанія жизни побуждаетъ насъ къ промышленности и труду. Но что такое промышленность и трудъ? Дѣятельность физическая и умственная существа, состоящаго изъ тѣла и духа. Трудъ не только нуженъ для сохраненія нашего тѣла, онъ еще необходимъ для развитія нашего духа. Все, чѣмъ владѣемъ мы, все, что знаемъ, происходитъ отъ труда: ему обязаны мы всякою наукою, всякимъ искусствомъ, равно какъ и всякимъ богатствомъ».

Уже по одному этому экономическія отношенія народовъ должны занять мѣсто въ нашемъ курсѣ, независимо отъ того, что они были настоящею причиною, если не всѣхъ, какъ утверждаетъ Прудонъ, то по-крайней-мѣрѣ весьма многихъ внѣшнихъ войнъ и внутреннихъ междоусобій, и что ими преимущественно обусловлена колонизація древняго и новаго міра, играющая столь важную роль въ исторіи образованія чловѣчества. Здѣсь возникаетъ вопросъ: какой законъ управляетъ экономическими отношеніями обществъ, другими словами — что нужно чловѣку для потребленія, сколько онъ можетъ и долженъ производить и какое распредѣленіе богатствъ между членами общества должно быть признано за самое правильное и наиболѣе соответствующее назначенію чловѣка?

Въ древности, какъ извѣстно, была цѣлая школа филосо-

фовъ, полагавшихъ въ наслажденіи наше высшее благо и конечную цѣль; да и теперь перѣдко приходится слышать, что лучшее средство прекратить пороки и сдѣлать людей добродѣтельными — распространить вездѣ комфортъ, утратить или учетверить богатство: вѣдь тому, кто разсчитываетъ на бумагѣ, и милліоны ни по чѣмъ! Оставляя нравственную сторону этого ученія, мы не можемъ не замѣтить, что оно оказывается несостоятельнымъ въ виду наблюденій, сдѣланныхъ антропологіею и статистикою. Дознано на опытъ, что чѣмъ больше непроизводительный членъ общества потребляетъ, тѣмъ больше, вслѣдствіе возбужденія въ немъ аппетита и бездѣйствія его членовъ и ума, онъ стремится потреблять. Баснь о Эрисихтонѣ въ «Превращеніяхъ» есть эмблема этой истины. Овидій, вѣроятно, имѣлъ въ виду современныхъ ему римскихъ богачей, сѣдавшихъ за однимъ пиромъ доходъ съ цѣлой провинціи. А что вѣрно для обжорства, — вѣрно для всѣхъ родовъ наслажденія: они дѣлаются требовательнѣе, по мѣрѣ насыщенія. Съ другой стороны, статистика показываетъ, что народъ, поставленный въ самыя благопріятныя условія, можетъ произвести не болѣе, сколько нужно для удовлетворенія его существенныхъ потребностей. Во Франціи, напримѣръ, средній доходъ, по вычисленію Августина Шевалье, не превышаетъ 13 милліардовъ франковъ, что на семейство изъ 4 душъ составляетъ на наши деньги около 1 рубля въ день, сумму, на которую можно жить безбѣдно, т. е. не тѣсниться въ лачугѣ, не голодать, имѣть приличную одежду, но отнюдь не роскошничать. Если же во Франціи, какъ и въ другихъ цивилизованныхъ странахъ Европы, есть богачи, не останавливающіеся предъ удовлетвореніемъ самыхъ прихотливыхъ требованій сластолюбія и тщеславія, то не должно забывать, что каждому изъ такихъ богачей можно противопоставить сотни семействъ, нуждающихся въ необходимомъ. Слѣдовательно, пресыщеніе немногихъ покупается ли-

шеніями большинства, но какъ всякій человѣкъ имѣетъ право на вознагражденіе, соотвѣтствующее личнымъ его заслугамъ, т. е. количеству и качеству его труда, то отсюда слѣдуетъ, что самое лучшее экономическое состояніе общества есть то, которое наиболѣе приближается къ закону равновѣсія, т. е. гдѣ знанія, услуги и произведенія распределены сколько можно равномѣрно между гражданами. Я сказалъ — приближается: ибо одни только утописты могутъ серьезно вѣрить въ абсолютное равенство земныхъ благъ и наслажденій, забывая, что оно находится въ противорѣчій съ законами природы, которая, надѣливъ людей весьма различными способностями, тѣмъ самымъ положила основаніе аристократіи и что задача цивилизаціи состоитъ въ ослабленіи, а не въ уничтоженіи различій, коренящихся въ законѣ естественномъ.

Какъ ни мало соотвѣтствуютъ этому идеалу настоящія экономическія отношенія образованныхъ народовъ, тѣ, которые жалуются на слишкомъ большое разстояніе, существующее въ Европѣ между высшими и низшими классами, могутъ найти утѣшеніе, изучая исторію древнихъ цивилизацій. Они увидятъ, что тогда крайности въ распределеніи богатствъ доходили до размѣровъ болѣе громаднхъ, и состояніе рабочаго класса было несравненно хуже, чѣмъ теперь.

И такъ, вы видите, мм. гг., что я признаю прогрессъ въ исторіи, но сдѣлаю оговорку, — прогрессъ не въ томъ смыслѣ, какой даютъ этому слову нѣкоторые писатели, напримеръ Лоранъ, вѣрующій въ такъ-называемый золотой вѣкъ, который, по словамъ его, не позади, а впереди насъ, и съ наступленіемъ котораго водворится на землѣ царство истины, добродѣтели и свободы. Подобный взглядъ страдаетъ отсутствіемъ вѣрнаго пониманія жизни: предполагать, что придетъ время, когда счастливое человечество будетъ въ мирѣ и радости наслаждаться плодами трудовъ предшествовавшихъ ему

поколѣній, не значить ли допускать состояніе покоя и неподвижности, чего нѣтъ и быть не можетъ ни въ природѣ, ни въ исторіи. Менцель, еще въ началѣ 30-хъ годовъ¹, нанесъ сильный ударъ всѣмъ теоріямъ такъ-называемыхъ историческихъ идеаловъ, подвергнувъ ихъ основательной критикѣ, и высказалъ весьма вѣрную мысль, что весь интересъ жизни, а слѣдовательно и исторіи, заключается не въ достиженіи этихъ идеаловъ, но въ стремленіи къ нимъ. Такого-же мнѣнія былъ и Монтескье, сколько можно судить изъ многихъ мѣстъ его знаменитаго творенія. Такъ, въ XI книгѣ первой части «*Esprit des lois*», на стр. 351, читаемъ: кто бы могъ сказать, что сама добродѣтель нуждается въ ограниченіи: чтобы отвратить злоупотребленіе силы, необходимо, чтобы одна сила ограничивала другую». Въ другомъ мѣстѣ² авторъ говоритъ: «странная вещь: чѣмъ безопаснѣе республики, тѣмъ болѣе подвержены онѣ порчѣ, подобно водамъ, имѣющимъ слишкомъ покойное теченіе», и при этомъ случаѣ ссылается на Юстина, по словамъ котораго, упадокъ доблести въ Аѳинахъ начался съ смертію Епаминонда. На стр. 124, разсуждая о деспотическомъ правленіи и считая существенною принадлежностью его господство визирей, встрѣчаемое сплошь и рядомъ на востокѣ, при ничтожности большей части властителей, Монтескье находитъ такое явленіе нормальнымъ: ибо человекъ, которому на каждомъ шагѣ все говоритъ, что онъ значить все, а другіе ничего, естественно, лѣнивъ, невѣжественъ и преданъ чувственности, а потому самъ не занимается дѣлами. Приведенныя нами мѣста, взятая на-выдержку, ясно показываютъ, что и авторъ «Духа законовъ», писавшій, какъ извѣстно, въ первой половинѣ XVIII столѣтія, признавалъ за здоровое состояніе общества не пассивное пользованіе приобрѣтенными благами, не ус-

¹ См. «*Geist der Geschichte*», стр. 95—110.

² См. часть 1-я кн. VIII, стр. 283.

покоемъ на лаврахъ, а жизнь, исполненную дѣятельности, постояннаго труда, непрерывнаго упражненія и совершенствованія способностей, данныхъ Провидѣніемъ въ удѣлъ человѣку.

Съ другой стороны, слово «прогрессъ» не слѣдуетъ понимать такъ, будто съ успѣхами цивилизаціи увеличиваются умственные и нравственные способности людей¹. Таланты и гѣній не составляютъ исключительной принадлежности однихъ высоко развитыхъ цивилизацій: они встрѣчаются среди варварскихъ племенъ, такъ-же какъ и у самыхъ образованныхъ народовъ. По мнѣнію Локка², люди во все времена были одарены природными способностями почти въ равной мѣрѣ. Еще менѣе зависить отъ закона историческаго развитія то, что мы называемъ субъективною нравственностью и добродѣтелью, т. е. расположеніе къ исполненію нашихъ обязанностей. Кто, напримеръ, рѣшится утверждать что нынѣшніе европейцы въ этомъ отношеніи стоятъ выше образованныхъ народовъ древняго міра. Многіе изъ тѣхъ великихъ мужей, жизнеописаніями которыхъ мы обязаны Плутарху, были и вѣроятно на-всегда останутся для позднѣйшихъ поколѣній образцами общественныхъ и частныхъ добродѣтелей. Строгій блюститель закона Іеговы Моисей обладалъ ангельскою кротостью нрава³, а къ язычнику Платону даже отцы церкви относились не иначе, какъ съ благоговѣніемъ. У «меня было два учителя, говоритъ блаженный Августинъ, — Платонъ и Іисусъ Христосъ: одинъ изъ нихъ научилъ меня познанію истиннаго Бога, а другой указалъ къ нему путь»⁴. Но если умственные и нравственные способности людей и

¹ См. Бокль, «Исторія цивилизаціи въ Англіи», выпускъ 1-й въ рус. перев. Буйницкаго и Ненарокова, стр. 200.

² См. Works, vol. II, стр. 361.

³ И человѣкъ Моисей кротокъ зѣло паче всехъ человѣковъ, сущихъ на землѣ. См. «Книга Числъ». XII, 3,

⁴ См. Laurent, «Histoire du droit des gens», 2 vol. pag. 395.

не увеличились въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, составляющаго достояніе исторіи, то не подлежитъ сомнѣнію, что нынѣшняя цивилизація представляетъ *высшую* силу, въ сравненіи съ предшествовавшими ей въ общемъ ходѣ человѣческаго развитія цивилизаціями — восточною и грече-римскою. Такихъ геніальныхъ полководцевъ, какими были Александръ Македонскій, Юлій Цезарь и Аннибалъ, конечно, найдется весьма немного въ новой исторіи, а между тѣмъ самый обыкновенный изъ нашихъ генераловъ, при настоящихъ усовершенствованіяхъ военнаго дѣла, разбилъ бы побѣдителей при Иссъ, Фарсаль и Каннахъ. Это такъ-же вѣрно, какъ и то, что Платонъ и Аристотель, при всемъ величіи ихъ генія, показались бы учениками въ спорѣ съ нашими учеными по многимъ вопросамъ, относящимся къ области естествовѣдѣнія и политики. Нужно ли говорить о нашихъ желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ успѣлъ подчинить себѣ время и одолѣть пространство и о которыхъ древніе народы не имѣли никакого понятія?

Впрочемъ, одно приращеніе силъ, хотя-бы и умственныхъ, еще не могло бы служить доказательствомъ преимущества новой цивилизаціи предъ древнею, если-бы оно не сопровождалось улучшеніемъ морали. Выше говорено было о тѣсной связи между умственнымъ и нравственнымъ прогрессомъ¹. Но какъ изъ примѣра Бокля мы могли убѣдиться, что есть невѣрующіе, то считаемъ не лишнимъ въ оправданіе нашего мнѣнія привести нѣсколько фактовъ изъ исторіи. Уже одно уничтоженіе рабства, которое не только фактически существовало у древнихъ народовъ, но и необходимость котораго доказывали лучшіе изъ ихъ мыслителей, напр. Аристотель, много говоритъ въ пользу новѣйшей цивилизаціи, или наприм. извлекать выгоды изъ проституціи женщины, хотя бы и для увеличенія общественныхъ

¹ См. глав. I-я, стр. XX — XXI.

доходовъ, въ наше время считается дѣломъ позорнымъ, а между тѣмъ мудрѣйшій и честнѣйшій изъ грековъ, знаменитый аѳинскій законодатель Солонъ не затруднился открыть въ Аѳинахъ дома терпимости съ цѣлью противодѣйствовать вторженію порока въ нѣдра семействъ, и какъ жертвами разврата въ этихъ домахъ обыкновенно были иностранки, до которыхъ нѣтъ дѣла древнимъ моралистамъ, то поступокъ его не только не подвергся порицанію, но и заслужилъ одобреніе отечественныхъ писателей. Почти во всей древности жизнь новорожденного ребенка не была ограждена закономъ: въ Римѣ и нѣкоторыхъ государствахъ Греціи участь младенца зависѣла отъ отца семейства, а въ Спартѣ отъ старѣйшихъ гражданъ филы, которые, при произнесеніи приговора, руководствовались государственными цѣлями, а именно — осуждали на смерть дѣтей болѣзненныхъ и родившихся съ физическими недостатками, и оставляли жить здоровыхъ и хорошо сложенныхъ. Право собственности, столь тѣсно связанное съ общественными и частными интересами, конечно, во все времена было охраняемо съ большею или меньшею строгостью, но и въ этомъ отношеніи понятія древнихъ народовъ не всегда отличались щекотливостью. Въ Египтѣ, напр., существовали общества или цехи воровъ, къ которымъ долженъ былъ обращаться тотъ, у кого случилась пропажа, и въ такомъ случаѣ получалъ обратно свое имущество съ удержаніемъ $\frac{1}{4}$ въ пользу общества, а въ Спартѣ законы дозволяли мальчикамъ въ извѣстномъ возрастѣ воровать пищу, для пріобрѣтенія ловкости, — наказывались лишь тѣ, которые не умѣли спрятать концовъ. Положимъ, что предметы, которые разрѣшалось воровать, были въ-точности опредѣлены закономъ, какъ утверждаетъ Ксенофонтъ, и не могли никого разорить, допустимъ даже, вмѣстѣ съ Карломъ Отфридомъ Мюллеромъ¹, что историческимъ основаніемъ столь странной мѣрѣ служило воспомина-

¹ Die Dorier, T. II, p. 311—312.

ніе о прежней жизни дорянь, когда, занимая гористую, бесплодную страну, они должны были силою и хитростію добывать себѣ пропитаніе, все же нельзя не назвать безнравственною систему воспитанія, которая съ ранняго возраста приучала будущихъ гражданъ къ неуваженію чужой собственности и, конечно, мы не найдемъ ничего подобнаго въ законодательствахъ новѣйшихъ народовъ. Такимъ образомъ честь, жизнь и собственность, которыя принадлежать къ драгоценнѣйшимъ изъ человѣческихъ благъ и нарушеніе которыхъ порождаетъ преступленія, извѣстныя подъ именемъ прелюбодѣнія, убійства и воровства и лучше всего характеризующія общественную нравственность, по крайней-мѣрѣ со стороны отрицательной, въ древности пользовались несравненно меньшею гарантіею, чѣмъ у насъ. Къ подобному результату привело бы насъ и сравненіе фактовъ, относящихся къ положительной нравственности. Такъ напр. богадѣлень, составляющихъ въ наше время необходимую принадлежность каждаго благоустроеннаго города, до христіанства вовсе не было на западѣ, а на востокѣ инициатива ихъ учрежденія принадлежитъ основателю буддизма Гетамѣ, который, какъ извѣстно, жилъ въ VI столѣтіи до Р. Х.

Еще большій успѣхъ замѣтенъ въ международныхъ сношеніяхъ, успѣхъ, обусловленный самимъ духомъ нашей религіи. Боги египтянь, индійцевъ, грековъ и римлянъ были мѣстными богами; они изливали свои блага не на всѣхъ людей, а только на тѣ страны, которыя находились подъ ихъ покровительствомъ и воздавали имъ божескія почести. Оттого у древнихъ народовъ мы видимъ ненависть ко всему, что не принадлежало къ ихъ государству, что служило чужимъ богамъ. Извѣстно, съ какимъ презрѣніемъ грекъ смотрѣлъ на иностранца, котораго онъ называлъ варваромъ, а въ религіозномъ представленіи индійца Mlek'ha, т. е. человѣкъ, говорящій другимъ языкомъ и не признающій святаго закона, есть суще-

ство, занимающее въ ряду тварей низшее мѣсто въ сравненіи съ слономъ и лошадыю¹. Совеѣмъ другія понятія принесло въ міръ христіанство. Оно повелѣваетъ любить всѣхъ и cadaго. Ненавидѣть какой-либо народъ, вести съ нимъ истребительную войну съ цѣлью стереть его съ лица земли — противно духу евангельскаго ученія. Этимъ положено начало новому междуна-родному праву, которое, какъ ни далеко еще отъ своего иде-ала, но все же можно утвердительно сказать, что не только теперь, но и въ невѣжественные средніе вѣка, благодаря авто-ритету религій, войны велись съ меньшею жестокостію, чѣмъ въ древности, и въ наше время, конечно, ни одно христіанское правительство не рѣшится поступить столь вѣроломнымъ и без-человѣчнымъ образомъ, какъ поступили римляне съ кароагена-нами въ третью пуническую войну, и не станетъ принимать подъ свою защиту разбойниковъ, подобныхъ мамертинцамъ, един-ственно изъ нерасположенія къ соперничающей съ нимъ на-ціи, а между тѣмъ римляне отличались еще болѣею добросо-вѣстностію въ исполненіи международныхъ обязательствъ, срав-нительно съ другими народами древности. Аннибаль, смѣяв-шійся надъ святостію договоровъ, и Лизандръ, публично гово-рившій, что «дѣтей обманываютъ игрушками (αἰσχρογὰλοι, иг-ральныя кости), а взрослыхъ клятвами», были явленіями весьма обыкновенными въ древней дипломатіи и краснорѣчиво гово-рятъ въ пользу нашего международного права, несмотря на не-достатки послѣдняго, которые, впрочемъ, выводятся все болѣе и болѣе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ на помощь религій, я-вилась наука и распространила между правительствами и на-ціями убѣжденіе, что собственный интересъ ихъ требуетъ спо-собствовать благосостоянію другихъ народовъ, а не желать ихъ разоренія, убѣжденіе, которое еще недавно высказалъ принцъ уэльскій въ отвѣтной рѣчи на адресъ англійскихъ торговцевъ,

¹ Законы Ману, XII, 43.

живущихъ въ С.-Петербургѣ. Съ другой стороны, желѣзные дороги, облегчая сношенія между людьми, должны нанести ударъ нѣкоторымъ предразсудкамъ, въ теченіи долгаго времени поддерживавшимъ національную вражду въ Европѣ и происходившимъ главнымъ образомъ отъ малаго знакомства народовъ другъ съ другомъ.

Быть можетъ, нѣкоторые найдутъ нашу аргументацію не довольно убѣдительною. Намъ могутъ упрекнуть въ произвольномъ выборѣ эпохъ и спросить: почему, желая доказать постоянство прогресса въ исторіи, мы сравниваемъ восточный и греко-римскій міръ съ настоящимъ состояніемъ человѣчества, а не съ средне-вѣковыми государствами и ихъ варварскими учрежденіями? На это отвѣтимъ: во 1-хъ, что для того, чтобы составить вѣрное понятіе о процвѣтаніи или застоѣ общественныхъ организмовъ необходимо принимать въ соображеніе большіе періоды времени. Кто занимался статистикой, тотъ очень хорошо знаетъ, что тамъ отдѣльные годы не имѣютъ никакого значенія и что хотя прогрессивное состояніе государства сопровождается постепеннымъ улучшеніемъ той или другой части народнаго быта, тѣмъ не менѣе нерѣдко случается, что послѣдующіе годы, взятые порознь, представляютъ результаты менѣе благопріятныя въ сравненіи съ предъидущими. А потому статистики обыкновенно основываютъ свои выводы на наблюденіи однородныхъ явленій въ теченіи 10, или даже нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Само собою разумѣется, что въ жизни человѣчества періоды сравненія должны быть еще гораздо продолжительнѣе и обнимать рядъ не отдѣльныхъ годовъ, а цѣлыхъ столѣтій. Во 2-хъ, по моему мнѣнію, было бы весьма нелогично сравнивать цвѣтущія эпохи древнихъ цивилизацій, какими были: для индійской время Будды, а для греческой — періодъ отъ Солона до Перикла, съ невѣжественными средними вѣками, которые не безъ основанія называютъ младенческимъ возрастомъ

ныѣшнихъ европейскихъ націй, а потому, если-бы представилась надобность провести параллель между этими послѣдними и Греціей, то мы должны были остановиться на героическомъ вѣкѣ еллинскаго народа, а не на тѣхъ моментахъ его исторіи, когда онъ вступилъ въ періодъ зрѣлости и цивилизаціи.

Другая сторона прогресса заключается въ томъ, что умственныя и нравственныя пріобрѣтенія человѣчества, о которыхъ мы сейчасъ говорили, сдѣланы безъ малѣйшаго ущерба для свободы индивидуумовъ, которая, напротивъ, много выиграла какъ въ содержаніи, такъ и объемѣ и, притомъ, не только свобода личная, съ чѣмъ легко согласится всякій, кто знаетъ — до какой степени частная жизнь античнаго человѣка стѣснена была опекой правительства, но и свобода политическая, хотя относительно послѣдняго пункта нерѣдко приходится читать и слышать противное мнѣніе, а именно — что въ древнихъ республикахъ люди будто-бы пользовались большею свободою и самоуправленіемъ, сравнительно съ нынѣшними образованными государствами. Односторонность и ошибочность этого мнѣнія не трудно доказать: во-1-хъ, какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ участіе въ управленіи имѣли исключительно одни граждане, которые составляли меньшинство народонаселенія и свобода которыхъ обуславливалась существованіемъ многочисленнаго класса рабовъ. Если-бы, замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей¹, нынѣшнее королевство Баварію устроить по образцу Аѳинъ, то въ немъ на одинъ миллионъ свободныхъ жителей, приходилось бы 3½ м. рабовъ. Конечно, прибавляетъ тотъ-же писатель, мы дали бы такому государству скорѣе всякое другое названіе, нежели свободнаго. Во-2-хъ, между гражданами древнихъ республикъ далеко не все пользовались полноправностью.

¹ Neuer Versuch einer alten auf die Wahrheit der Thatsachen gegründeten Philosophie der Geschichte von *Ernst von Lasaulx*, S. 104.

Въ Аѳинахъ всѣ высшія должности сначала принадлежали евпатридамъ, а потомъ сдѣлались достояніемъ богатыхъ фамилій. Оеты, составлявшіе самый бѣдный и многочисленный классъ аѳинскихъ гражданъ, до временъ Аристиды, участвовали только въ народныхъ собраніяхъ, но не могли занимать никакихъ общественныхъ должностей, а аѳинскіе союзники, народонаселеніе которыхъ при Периклѣ состояло изъ нѣсколькихъ милліоновъ, за немногими исключеніями, лишены были не только политической, но и судебной самостоятельности¹. Въ Римѣ всѣ важнѣйшія государственныя дѣла рѣшались въ центуріальныхъ собраніяхъ, гдѣ голоса подавались не по-головно, а по числу центурій, соотвѣтствовавшему величинѣ имуществъ въ каждомъ изъ 5 классовъ, на которые Сервій Тулій раздѣлялъ римскій народъ. Всѣхъ центурій было 192: изъ нихъ 98 приходилось на долю перваго класса со включеніемъ всалниковъ, а потому если граждане этого класса были согласны между собою, то у остальныхъ не спрашивали мнѣнія, и въ такомъ случаѣ они оставались пассивными зрителями происходившихъ въ ихъ присутствіи рѣшеній, а такъ-называемые *proletarii* (дѣтководы), къ которымъ принадлежали бѣднѣйшіе граждане, вовсе не имѣли права голоса, хотя и не были освобождены отъ участія въ воинской повинности. Правда, наша представительная система (по дѣламъ земскимъ, а тамъ, гдѣ есть конституціи, — и по государственнымъ), требуетъ также извѣстнаго достатка, чтобы поступить въ число выборныхъ или избирателей, но какъ у насъ нѣтъ рабства и каждый честный, хотя-бы и механический, трудъ не считается занятіемъ предосудительнымъ для гражданина, то пріобрѣтеніе этого достатка, очевидно, сопряжено съ гораздо меньшими препятствіями, чѣмъ въ Греціи и Римѣ. Притомъ-же не должно забывать, что формы правленія

¹ За расправой по уголовнымъ и крупнымъ гражданскимъ процессамъ союзники должны были являться въ Аѳины.

у новыхъ народовъ еще не установились окончательно, ибо сама жизнь ихъ продолжается, тогда-какъ древній міръ прошелъ чрезъ всѣ фазы назначеннаго ему бытія и, слѣдовательно, на оставленные имъ памятники государственной дѣятельности должно смотрѣть какъ на высшіе продукты человѣческаго разума той эпохи, чего никакъ нельзя сказать о нашихъ современныхъ законодательствахъ.

Представленныхъ нами фактовъ, кажется, достаточно, чтобы убѣдиться, что прогрессъ, вытекающій изъ самой природы человѣческаго духа, вполне подтверждается и ходомъ исторіи. Не думаю, чтобы между взглядомъ нашимъ на процессъ историческаго развитія и ученіемъ о фатализмѣ было что-нибудь общаго. Правда, человѣчество такъ или иначе должно достигнуть своего назначенія, и въ этомъ отношеніи прогрессъ составляетъ такую-же необходимость, какъ напр. для растенія свойственный ему цвѣтъ и плодъ. Но *большая* или *меньшая скорость* въ достиженіи человѣчествомъ каждый разъ высшей степени развитія, *участіе*, принадлежащее въ прогрессъ тому или другому народу, *величина жертвъ*, цѣною которыхъ онъ пріобрѣтается, все это зависитъ въ значительной степени отъ самыхъ людей, т. е. отъ того, въ какой степени разумны и цѣлесообразны ихъ дѣйствія. Греція превосходствомъ своей цивилизаціи, безъ сомнѣнія, много обязана благоприятнымъ географическимъ условіямъ, этой гармоніи формъ, въ которой знаменитый географъ Риттеръ видитъ главную причину господства Европы надъ прочими частями свѣта; но вліяніе природы, какъ справедливо замѣтилъ уже Гегель¹, не должно быть оцѣниваемо ни слишкомъ низко, ни слишкомъ высоко: небо Іоніи и теперь такъ-же прекрасно, какъ было во времена Гомера, и однако-жъ подъ турецкимъ владычествомъ тамъ не родилось ни одного гениальнаго поэта. Въ самой Греціи не всѣ республики,

¹ Hegels Werke, 9-er Band. «Einleitung», S. 75.

ее составлявшія, имѣють одинакій интересъ для исторіи человѣчества. Первенство между ними, безспорно, принадлежитъ маленькимъ Аѣинамъ, на долю которыхъ, можно сказать безъ преувеличенія, приходится половина великихъ людей, бывшихъ украшеніемъ и гордостью древней Эллады, а между тѣмъ и аѣиняне въ періодъ времени отъ Кекропса до Солона, т. е. въ продолженіи десяти почти вѣковъ, не сдѣлали ничего для прославленія своего имени, пока не явился между ними великій законодатель, положившій конецъ междоусобіямъ, задерживавшимъ развитіе аѣинскаго государства, и начертавшій планъ конституціи, которая вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительнымъ нуждамъ народа и требованіямъ времени и которой главное достоинство заключалось въ томъ, что она не осуждала общество на неподвижность, но способна была къ дальнѣйшему развитію и усовершенствованію. Такимъ образомъ, историческая роль Аѣинъ въ значительной степени обусловлена была личностью Солона и слѣдовавшихъ за нимъ высоко талантливыхъ государственныхъ людей, въ-особенности Клисѣена,Themistocles и Перикла. Если мы и допустимъ, что счастливныя способности аѣинскаго народа въ соединеніи съ благоприятными географическими условіями должны были взять свое, и рано или поздно принести богатый плодъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что безъ участія поименованныхъ нами геніальныхъ людей этотъ результатъ былъ бы достигнутъ цѣною большихъ жертвъ, и притомъ не безъ ущерба какъ для формы, такъ отчасти и самой сущности дѣла. Кратковременная игемонія Аѣинъ тѣсно связана была съ личностію Эпаминонда и Пелопида и окончилась вмѣстѣ съ ихъ жизнію.

Впрочемъ приписывая человѣческой свободѣ извѣстную долю вліянія на ходъ міровыхъ событій, мы не думаемъ, чтобъ вліяніе это было на-столько сильно, чтобъ оно могло измѣнить общіе законы, по которымъ развивается жизнь человѣчества, и

которые причиною поразительныхъ синхронизмовъ въ исторіи. Въ XIII ст. весь образованный міръ занимался схоластикой, въ XIV схоластика уступила мѣсто мистицизму, въ XVI искусство развивается почти одинакимъ образомъ въ Италіи, на горѣ Афонѣ и при дворѣ великихъ моголовъ, хотя Ома Аквинскій, Баръ-Еврей, равнины Нарбонны, мотекаллемы багдадскіе не знали другъ друга, хотя Дантъ и Петрарка не видѣли ни одного суфы и ни одинъ изъ питомцевъ перузской и флорентинской школы никогда не былъ въ Дели. Не менѣе замѣчательный фактъ представляетъ древняя исторія въ одновременномъ явленіи (въ VII и VI ст. передъ Р. Х.) мыслителей у народовъ, не имѣвшихъ никакого вліянія другъ на друга, а именно: Конфуція въ Китаѣ, Готамы-Будды въ Индіи, пророковъ въ Іудеѣ, Нумы Помпилія у римлянъ и первыхъ философовъ іонійской и элеатской школъ въ Греціи¹. Такое совпаденіе не могло быть дѣломъ случая, но имѣетъ источникъ свой въ единствѣ человѣческой жизни. Здѣсь-же должно искать причины поразительнаго сходства въ міоахъ древнихъ народовъ. Только одинаковымъ состояніемъ сознанія, которое мы называемъ міеологическимъ, можно объяснить, что дѣтство Ромула и Рема и дѣтство Кира разсказывается сагою совершенно одинаковымъ образомъ. Даже на политическія событія вліяніе индивидуумовъ далеко не такъ значительно, какъ утверждаютъ писатели прагматической школы, напр. Полибій, по словамъ котораго, Аннибалъ покорилъ бы весь міръ, если-бы, вмѣсто того, чтобы начать съ Рима, онъ оставилъ его подъ-конецъ². Мы сомнѣваемся, чтобы геній одного человѣка, какъ-бы онъ ни былъ великъ, могъ измѣнить ходъ всемірной исторіи, и думаемъ, что вопросъ о первенствѣ іафетидовъ, т. е. аріевъ, надъ

¹ См. *Neuer Versuch einer alten auf die Wahrheit der Thatsachen gegründeten Philosophie der Geschichte von Ernst von Lasaulx*. S. 115.

² См. Кн. XI, гл. XIX.

семитическими и хамитскими племенами, вопросъ, рѣшеніе котораго предугадалъ еще Ной, такъ или иначе долженъ бы былъ окончиться въ пользу первыхъ, хотя очень можетъ быть, что, избѣжавъ ошибки, приписываемой ему греческимъ историкомъ, Аннибалъ могъ бы на вѣкоторое время задержать колесницу судьбы и доставить своему отечеству болѣе продолжительное и счастливое существованіе.

Такимъ образомъ, хотя человѣкъ и не въ силахъ измѣнить законы исторіи, но отъ него зависитъ дать симъ законамъ наиболѣе выгодное для себя направленіе и тѣмъ увеличить сумму добра и уменьшить зло, приносимое ими въ міръ. Есть, говорить Гексли¹, одна старая, избитая метафора, въ которой проводится параллель между жизнію человѣка и превращеніемъ гусеницы въ мотылька, но сравненіе это будетъ и вѣрнѣе и новѣе, если мы примѣнимъ его къ развитію человѣчества. Исторія показываетъ намъ, что умъ человѣческій, постоянно питаемый новыми приобрѣтеніями науки, отъ времени до времени такъ возрастаетъ въ своемъ объемѣ, что прежнія теоретическія оболочки становятся для него тѣсны, и онъ, разрывая ихъ, является въ новой формѣ, какъ питающаяся и растущая личинка скидываетъ по-временамъ свою узкую шкурку и надѣваетъ другую такъ-же временную. Правда, что до состоянія полного развитія человѣчества по-видимому еще страшно далеко, но каждая перемена шкурки есть все-таки шагъ впередъ, а такихъ шаговъ сдѣлано уже не мало. Со времени возрожденія наукъ, поставившаго племена западной Европы на тотъ путь къ истинному знанію, который открытъ былъ греческими философами, но отъ котораго они уклонились въ теченіи долгихъ вѣковъ умственного застоя, или по-крайней-мѣрѣ колебанія, ли-

¹ См. Гексли, О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ, стр. 65—66.

чинка человеческая получила обильную пищу и возрастала соразмерно. Одно из таких превращений она испытала въ XVI вѣкѣ, потомъ другое въ концѣ XVIII, а въ послѣднія 50 лѣтъ чрезвычайное развитіе всѣхъ отраслей физическихъ наукъ доставило намъ умственный кормъ такого питательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждающаго свойства, что, кажется, слѣдуетъ ожидать новаго линіянія, но процессъ этотъ сопровождается многими мучительными усиліями, болѣзненными припадками, ослабленіемъ организма и даже, быть можетъ, болѣе важными поврежденіями. При такихъ обстоятельствахъ, каждый добрый гражданинъ долженъ стараться всѣми зависящими отъ него средствами облегчить эту операцію».

Сказанное Гексли объ умственномъ развитіи человечества можетъ быть примѣнено и къ практической жизни народовъ. Оттого, мм. гг., исторія съ любовью и признательностію останавливается на тѣхъ благородныхъ личностяхъ, которыя, живи въ вѣкѣ революцій, своимъ разумнымъ и честнымъ образомъ дѣйствій, умѣли облегчить страданія современниковъ; за то правдивый судъ ея не щадитъ людей другаго рода, отличившихся въ жажкомъ искусствѣ ловить рыбу въ мутной водѣ и пользоваться общественными бѣдствіями для осуществленія своихъ рыцарскихъ видовъ.

Цѣлью нашего изложенія было доказать, во 1-хъ, что, не смотря на существованіе общихъ законовъ, управляющихъ ходомъ историческихъ событій, каждый человѣкъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и во 2-хъ, что индивидуальная дѣятельность тогда только можетъ быть плодотворной и прочной, когда она находится въ гармоніи съ этими законами, и что всякое отступленіе отъ нихъ отзывается болѣзненно на обществѣ, составляя зло, вызывающее соотвѣтствующую ему реакцію. Слѣдовательно, значеніе каждаго историческаго лица опредѣляется двумя условіями: величиною силы, имъ представляемой, и направ-

леніемъ его дѣятельности. Если безъ силы, и притомъ достаточной силы не мыслимо никакое вліяніе, то очевидно, что вліяніе это можетъ быть полезнымъ и вреднымъ, смотря по цѣлямъ, къ достиженію которыхъ направлена наша дѣятельность. Поэтому истинно великій человѣкъ есть тотъ, кто, служа извѣстной идеѣ, составляющей насущную потребность его вѣка и народа, въ то-же время обладаетъ достаточными силами для обращенія ея въ дѣйствительность, для чего, кромѣ особенной энергіи ума, а въ сферѣ практической дѣятельности — и характера, необходимо, чтобъ идея эта сдѣлалась его собственною задушевною мыслію, задачей и цѣлью его жизни. Безъ энтузіазма, говорить Кантъ, никогда не происходило ничего великаго въ мірѣ. Отсюда вытекаетъ: 1-е, необходимость великихъ людей, а во 2-хъ ихъ личный характеръ. Великій человѣкъ не есть случайное явленіе, которое можетъ быть и не быть; онъ не просто индивидуумъ, но представитель общей идеи, которая сообщаетъ его дѣйствіямъ непроборимую силу и которая, воплощаясь въ немъ, получаетъ опредѣленную форму и возможность перейти въ дѣйствительность. Можно сказать, что весь интересъ исторіи человѣчества сосредоточивается на великихъ людяхъ, какъ лучшихъ и полнѣйшихъ представителяхъ своего вѣка и народа: «дайте мнѣ, говоритъ Кузень, рядъ великихъ людей, всѣхъ извѣстныхъ великихъ людей, когда-либо существовавшихъ на землѣ, и я напишу вамъ исторію человѣческаго рода».

Какъ народы не вдругъ сознаютъ свое призваніе и часто проходятъ цѣлыя вѣка, прежде чѣмъ они доходятъ до признанія своей исторической роли, то великій человѣкъ есть представитель своего времени и своего народа, даже и въ томъ случаѣ, когда онъ дѣйствуетъ, по-видимому, на-перекоръ господствующимъ въ обществѣ тенденціямъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ намъ, русскимъ, не нужно ходить далеко за примѣрами. Достаточно

взглянуть, съ одной стороны, на географическое положеніе нашего стечества, а съ другой—припомнить въ общихъ чертахъ характеръ русскаго народа, чуждый всякой исключительности и въ высшей степени объективный, чтобъ понять, что назначеніе Россіи — служить посредницею въ образованіи между востокомъ и западомъ, а между тѣмъ, задержанная на пути историческаго развитія монгольскимъ порабощеніемъ и другими неблагоприятными обстоятельствами, Русь до-петровскихъ временъ не только не сознавала своей исторической роли, но и относилась враждебно къ цивилизаціи запада. И вотъ на престолѣ московскихъ государей является человѣкъ, который избираетъ цѣлью своей жизни беспощадную борьбу съ предрассудками своего народа и прививаетъ къ нему, такъ-сказать, насильно плоды европейской образованности. Мы далеки отъ мысли защищать всѣ тѣ мѣры, къ которымъ прибѣгалъ преобразователь Россіи для достиженія своихъ цѣлей, и нисколько не намѣрены оправдывать личныхъ недостатковъ его характера, но думаемъ, что какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, немаловажную роль играли обстоятельства, среди которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ. Такъ, жестокость мѣръ и даже жестокость, выказанная имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, объясняется закоснѣлымъ упорствомъ, которое онъ встрѣчалъ почти на каждомъ шагѣ со стороны своихъ подданныхъ, слѣдовательно одна крайность вызывала другую. Что-же касается до личныхъ недостатковъ его характера, то едва-ли они не были господствующими пороками современнаго ему высшаго общества. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. при всѣхъ почти европейскихъ дворахъ мы находимъ кутежи, попойки, неуваженіе къ женщинѣ и вообще разгульную жизнь, которую такъ любилъ нашъ великій царь, съ тою только разницею, что на западѣ Европы, вслѣдствіе высшей цивилизаціи, она проявлялась въ менѣ грубыхъ формахъ, слѣдовательно, въ

этомъ отношеніи Петръ, подобно всѣмъ широкимъ натурамъ, заплатилъ только щедрую дань своему вѣку. Вотъ почему я вполне раздѣляю мнѣніе Ренана, что «великій человѣкъ, съ одной стороны, господствуетъ надъ своимъ временемъ, а съ другой — получаетъ все отъ своего времени».

Но преклоняясь предъ гениемъ передовыхъ людей, понимавшихъ современныя потребности человѣчества и пролагавшихъ новые пути въ исторіи, будемъ ли мы несправедливы и къ такимъ личностямъ, которыя хотя служили уже отжившему свой вѣкъ порядку, но служили честно и мужественно, защищая съ рыцарскимъ самоотверженіемъ дорогія имъ воспоминанія минувшаго? На историкѣ лежитъ обязанность отдѣлить личность дѣятеля отъ самаго дѣла: можно не сочувствовать послѣднему и въ то-же время относиться съ уваженіемъ къ первой. Дѣло римскихъ республиканцевъ въ борьбѣ съ цезаризмомъ было, конечно, дѣломъ потеряннымъ. Цезаризмъ составлялъ историческую необходимость: ибо безъ твердой центральной власти едва-ли бы совершилось объединеніе римскаго завоеванія, которое приготовило почву для христіанскихъ идей, составляющихъ жизненное начало новѣйшей цивилизаціи, а между тѣмъ кто изъ насъ рѣшится бросить камень въ Брута и Кассія, этихъ прямодушныхъ защитниковъ умалой старины? При изложеніи борьбы политическихъ партій въ Аѣинахъ во времена Перикла, мы, вмѣстѣ съ Нибуромъ и Гротомъ, будемъ на сторонѣ прогрессистовъ, но это не помѣшаетъ намъ отдать справедливость личнымъ достоинствамъ главы консервативной партіи Кимона, честнѣйшаго и великодушнѣйшаго изъ Аѣинянъ, и отличить его отъ тѣхъ жалкихъ и презрѣнныхъ консерваторовъ, которые, чтобы помѣшать приведенію въ исполненіе ненавистныхъ имъ реформъ, не задумались направить руку наемнаго убійцы на одного изъ главныхъ поборниковъ нововведеній, сподвижника и товарища Перикла, Эфіалта? Однимъ словомъ, всякій добросовѣстный трудъ,

всякое прекрасно задуманное, хотя - бы и неудачно окончившееся, предприятие должны найти въ исторіи мѣсто и надлежащую оцѣнку. Когда друзья Перикла, собравшись вокругъ смертнаго ложа его, стали разсуждать въ-слухъ объ одержанныхъ имъ побѣдахъ и заслугахъ его отечеству, полагая, что онъ находится въ состояніи безпамятства, умирающій Периклъ прервалъ ихъ замѣчаніемъ — «вы превозносите во мнѣ дѣла, въ которыхъ немаловажную роль играло счастье и которыми, кроме меня, могутъ похвалиться многіе другіе полководцы, но вы позабыли, что есть лучшаго въ моей жизни и чѣмъ я въ-особенности горжусь: это то, что, пользуясь обширною властью, я не повергъ въ трауръ ни одного афинскаго гражданина». Въ этихъ словахъ заключается та великая истина, что никто не въ-правѣ гордиться своими успѣхами и самыми талантами, и что общественному дѣятелю можетъ быть поставленъ въ заслугу или осужденіе лишь способъ употребленія принадлежащей ему власти, т. е. направленіе дѣятельности. Быть геніями — не въ нашей власти, для этого нужно получить отъ природы особенныя дарованія и усовершенствовать ихъ соответствующимъ воспитаніемъ, но отъ каждаго изъ насъ зависитъ сдѣлаться честнымъ человѣкомъ и вѣрнымъ слугою своего отечества. «Вопросъ — свободны ли мы, говоритъ Кузенъ¹, мнѣ кажется не стоитъ обсужденія. Онъ разрѣшается свидѣтельствомъ совѣсти о томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ мы могли бы сдѣлать противное тому, что дѣлаемъ». Правда, сама совѣсть наша находится подъ вліяніемъ авторитета господствующихъ въ обществѣ понятій и вѣрованій, но авторитетъ, по весьма вѣрному замѣчанію Корнвалля Льюиза², нисколько не противорѣчитъ нашей свободѣ и разуму: ибо власть его признается нами совершенно добровольно, въ-слѣдствіе убѣжденія нашего въ той про-

¹ Histoire de la philosophie, vol. 1, p. 190 — 191.

² Lewis, On the influence of authority. Lond. 1849. p. 190 — 191.

стой истинѣ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ вмѣстить въ себя всѣхъ знаній и что самостоятельная разработка мнѣній требуетъ много времени и усилій, а слѣдовательно не для каждаго удобна. Притомъ же, по мѣрѣ распространенія образованности въ массахъ, значеніе авторитета постепенно уменьшается. Во всякомъ случаѣ, будутъ ли убѣжденія историческаго лица отголоскомъ господствующихъ въ обществѣ мнѣній, или выработаны имъ самимъ, если только убѣжденія эти искренни и сознательны, они могутъ служить для него оправданіемъ предъ лицомъ исторіи, которая, впрочемъ, учитъ насъ, что самыя лучшія намѣренія обращаются во вредъ обществу, если они не находятся въ согласіи съ гармоническимъ его развитіемъ.